

МУЖСКИЕ ИГРЫ

ПРОЕКТ «НУЖНЫЕ ДЕТИ»»

**Дмитрий
ФЕДотов**

Annotation

К руководителю негосударственной организации «Перун» обращается за помощью ученый-биолог, сделавший очень важное открытие о способности человеческого мозга к восприятию информации напрямую, без приборов, которая исчезает после наступления половой зрелости. Ученый считает, что теперь за ним идет охота. Одновременно в далеком сибирском городе из детского дома при таинственных обстоятельствах исчезают ребяташки в возрасте до восьми лет. Расследование приводит к нелегальной перевалочной базе похитителей детей. Журналист, участвующий в расследовании, вместе с друзьями совершает ночной налет на особняк и добывает важные сведения о поставках детей-сирот для некой Группы перспективных исследований, и следы ее ведут в Москву. К тому же выясняется, что этим же делом в столице занимается организация «Перун». Вместе сибиряки и москвичи разрабатывают авантюрный план по спасению детей из подмосковного санатория, являющегося базой таинственной Группы...

Дмитрий Федотов
Проект «Нужные дети»

Совпадение имен действующих лиц, названий учреждений и организаций является чистой случайностью

Дом был старый, «сталинской» постройки. И хотя имел только семь этажей, по высоте мог тягаться с современными десятиэтажками.

Высокий поджарый мужчина в легком тренировочном костюме и мягких домашних туфлях стоял у огромного окна на шестом этаже. Свет в комнате был потушен, поэтому ничто не мешало созерцать вечернюю панораму излучины Москвы-реки с видом на Воробьевы горы и гигантский «кондор» главного корпуса Московского университета, подсвеченного десятками прожекторов.

Человек у окна стоял почти неподвижно, устремив взгляд на шпиль Университета, засунув руки глубоко в карманы тренировочных брюк, и лишь изредка покачивался с пяток на носки.

Внезапно в цветной полутьме комнаты на низком столике в дальнем углу замерцал голубоватым глазом столбик спутникового телефона, и тишину комнаты пронзила резкая трель вызова.

Однако мужчина не сразу отреагировал на звонок, будто пребывая в некоем трансе или задумчивости. Затем вдруг стремительно пересек комнату, неслышно ступая по пушистому ковру, и нажал кнопку громкой связи на панели аппарата.

– Слушаю.

– Это Рысь. Встреча назначена на двадцать два часа. Ресторан «Фокаччо», Пушкинская площадь.

– Принял. Сопровождение?

– По схеме «тень».

– Периметр?

– Только внешний. Ресторан в зоне нашего внимания. Сюрпризов не будет, Белогор.

– Хорошо. Отбой!

Мужчина исчез в глубине полутемной квартиры, чтобы через минуту вновь появиться в гостиной возле окна уже одетым в строгий костюм, не стеснявший, однако, движений хозяина. Он еще раз взглянул на панораму Московского университета, и легкая полуулыбка мелькнула по тонким губам.

– Еще один в нашу пользу, – непонятно произнес тот, кого назвали Белогором, и вышел из квартиры.

* * *

– Он сбежал, шеф!

– Как это могло случиться?! Вы же пасли этого мозгляка, как телка на лугу!

– Он вошел в свое любимое кафе возле дома. Он туда каждый день ходит... ходил. Кофе там пил с пирожными...

– Дальше!

– Ну, вошел и... не вышел. Что мы, должны были вместе с ним это пойло хлебать?..

– Обязаны, мать вашу! А еще в сортир его провожать и обратно!.. Как он ушел? А впрочем, догадываюсь: через кухню.

– Откуда вы знаете, шеф?..

– Вот именно! Я – знаю, а вы – нет! Даю вам сутки. И если через двадцать четыре часа профессор не отыщется, лично пристрелю!..

* * *

Без двух минут десять Белогор остановился на нижней ступеньке витой лестницы ресторана «Фокаччо», занимавшего полуподвальное помещение в здании бывшего проектного института. Высокий подтянутый господин в модном темно-сером костюме с серебряной искрой и летних, тоже серых штиблетах – ни дать ни взять, преуспевающий бизнесмен, решивший отдохнуть после трудового дня. Витую трость и шляпу он небрежно кинул подскочившему менеджеру-мальчишке и быстро оглядел почти полный зал. Дальняя часть его была разгорожена на отдельные ниши звукопоглощающими панелями. «Ладонь» подстраховки Белогор отметил сразу. Ребята расположились по залу весьма грамотно, и это радовало. Долгие часы тренировок не прошли даром, вчерашние мальчишки постепенно действительно превращались в настоящих, опытных бойцов.

Белогор расслабленной внешне походкой пересек зал и занял одну из ниш, расположенных почти напротив входа в помещение. Отсюда ресторан был как на ладони. Моментально подскочил официант, молча выложил перед солидным посетителем раскрытое меню в роскошном кожаном переплете и застыл изваянием в ожидании заказа. Белогор усмехнулся про себя и также молча ткнул пальцем – безалкогольный «Мохито», абрикосовый мусс, зеленый чай с лепестками лотоса. Официант исчез.

Один из бойцов – «сторожок», – сидящий возле барной стойки, подал условный сигнал, и Белогор внимательно посмотрел на только что вошедшего в ресторан мужчину. Невысокий, сутулый от малоподвижного образа жизни, мешковатый светлый костюм болтается на нем, как на вешалке. Начавшие уже редеть смоляные кудри, видимо, давно не встречались с расческой. Породистый семитский нос и рыскающий взгляд больших темных глаз. Да уж, колоритная личность.

К новому посетителю метнулся менеджер – один из бойцов сторожевой «ладони», и повлек того к столику Белогора. Он обратил внимание на неуверенную, шаркающую походку мужчины. Так обычно ходят сильно уставшие или сдавшиеся перед обстоятельствами люди.

Боец тихо отступил в сторону, и мужчина замер перед Белогором. Некоторое время они разглядывали друг друга – один с интересом, другой с недоверием.

– Присаживайтесь, – кивнул наконец Белогор.

– А вы непохожи на волхва, – заявил вдруг незнакомец, опускаясь на стул с высокой эргономичной спинкой.

– Вы знаете других? – усмехнулся Белогор.

– Н-нет... – смутился мужчина. – Но я читал про них...

– Суровый старец с посохом и соколом на плече, – развеселился Белогор и тут же посерьезнел: – Однако давайте с самого начала. Кто вы и что вас привело к нам?

– Меня зовут Иннокентий Абрамович Зухель. Я доктор биологических наук, профессор и

руководитель лаборатории психогенетики... Был. До недавнего времени. – Ученый кинул затравленный взгляд на собеседника. – Помогите мне!

Белогор внимательно посмотрел на него.

– Вы знаете, кто мы?.. Общественная организация «Перун» занимается исторической реконструкцией. Мы пытаемся воссоздать культуру и быт наших предков...

– Вот именно! – неожиданно с жаром перебил его Зухель. – И вы же изучаете древнее воинское искусство.

– Мы – не воины! – Белогор припечатал по столу широкой крепкой ладонью. Этот испуганный ученый все меньше ему нравился. – Вам, очевидно, выдали неверную информацию о нас.

– Погодите, – Зухель нетерпеливо замахал руками, – я не так выразился... Послушайте, я мог бы быть вам полезен, но мне действительно нужна защита...

– Обратитесь в милицию или охранную фирму.

– Бесполезно. Милиции потребуются веские доказательства угрозы, а охранная фирма мне не по карману.

Зухель внезапно сник, будто из него выпустили воздух. Белогора насторожила такая резкая смена настроения. Похоже, дело гораздо серьезнее, чем он поначалу подумал. Это не просто страх за свою жизнь, здесь крылось нечто большее.

– Кто же вам угрожает? – спросил он уже мягче.

– Государство.

Ученый произнес это слово, как нечто само собой разумеющееся. И тогда Белогор ему поверил. Он снова пристально посмотрел на Зухеля, потом перевел взгляд на окошко над столиком.

– Что же вы натворили?

– Я знаю способ, как разбудить генетическую память человека, память предков.

– Это ваше открытие?

– Можно сказать и так...

– Так в чем же дело? Вы не хотите поделиться им с родным государством? Это как-то... непатриотично, согласитесь.

Ученый горько усмехнулся:

– Примерно так я себе и представлял наш разговор. М-да, – он поднялся. – Видимо, придется поискать кого-то еще...

– Сядьте! – жестко произнес Белогор. Зухель, как подкошенный, плюхнулся обратно на стул. – Вот что. Если вы сейчас честно и подробно расскажете свою историю, думаю, тогда я смогу вам помочь. Хотя риск очень велик.

Ученый некоторое время беззвучно шевелил губами, будто собираясь с мыслями. А может, все же взвешивал, что говорить, а о чем стоит умолчать.

– Хорошо, – наконец решительно начал он, – постараюсь объяснить доходчиво. Итак, что вы знаете о детях, уважаемый волхв?

– В каком смысле?

– В биологическом.

– Ну, это первая стадия развития человека...

– Отлично! А когда, по-вашему, ребенок превращается во взрослую особь?

– В биологическом аспекте, думаю, когда становится способным к размножению. – Белогор усмехнулся. – Не удивляйтесь, профессор. Я по образованию антрополог.

– Еще лучше, – оживился Зухель. – Тогда не будем тратить время на подробности. Перейдем к сути. Как антрополог вы наверняка слышали о гипотезе, утверждающей, что древние люди владели так называемыми паранормальными способностями?

– Да, есть такая версия, – Белогор пожал плечами, – ну и что? Ее невозможно ни доказать, ни опровергнуть.

– Я могу. С помощью моей методики активации генетической памяти, в принципе, возможно вернуть людям утраченные сверхспособности! – Зухель горделиво посмотрел на собеседника.

– В этом суть вашего открытия?

– В общем, да...

– А при чем тут дети?

– Видите ли, уважаемый волхв...

– Зовите меня Белогор...

– Извините. Так вот, проблема заключается в том, что разбудить гены взрослого человека невозможно. Точнее, можно, но есть большой риск... э-э... повредить здоровью.

– Такой человек скорее всего умрет, – уточнил Белогор. Интерес его к этому странному ученому все более возрастал. Похоже, Рысь не ошибся: Зухель может оказаться весьма полезным для научного центра, шефство над которым с недавних пор взял на себя клуб «Перун» по просьбе своего куратора – депутата Госдумы.

– Скорее всего, – кивнул Зухель. – Это связано, прежде всего, с тем, что у физически сформированного организма большая часть генетического аппарата блокируется, видимо, чтобы не мешать работе основных локусов. В растущем же организме картина обратная – мало ли что может потребоваться в развитии. Поэтому основной массив генетической информации потенциально остается доступным для использования. Нужно лишь иметь пароли доступа, как выражаются компьютерщики.

– И вы открыли эти пароли?

– Вернее будет сказать, я знаю алгоритм подбора паролей.

– И это именно то, что вы бы хотели скрыть от... широкой общественности?

– В общем, да. Достаточно представить спектр открывающихся возможностей...

– Скажите-ка, Иннокентий Абрамович, – Белогор задумчиво потер пальцем кончик носа, – а сколько еще людей знает о вашем открытии?

– Ну... суть работ понимали все сотрудники лаборатории. Это естественно... – Зухель в замешательстве уставился на волхва. – На что вы намекаете?

– Что не только вам может угрожать опасность.

– Вы правы. Собственно, после исчезновения Виктора Раскова я и кинулся искать... защиты.

– Кто такой Виктор? Ваш помощник?

– Да... Моя правая рука. – Зухель горько рассмеялся. – А знаете, мне лишь сейчас пришла в голову мысль: не Виктор ли всему виной?

– Почему вы так думаете? – насторожился Белогор.

– За неделю до своего исчезновения он убеждал меня в необходимости дополнительного финансирования лаборатории. Дескать, от Академии наук помощи не дождешься, но есть весьма заинтересованные люди, готовые раскошелиться. В обмен на результаты, разумеется. Я ему тогда резко ответил в том смысле, что открытиями не торгую...

– Ага. В таком случае почему вы назвали своим врагом государство?

– Потому что мне позвонили. Два дня назад. Он сказал, что представляет некую научную группу, работающую на правительство, и настоятельно рекомендовал присоединиться к ним.

– А в чем заваyka? – прищурился Белогор.

– В том, уважаемый волхв, что моя лаборатория тоже работает... работала на правительство. У нас был грант. – Зухель снова усмехнулся, повертел в пальцах пепельницу со стола.

– Что же произошло?

– Сегодня утром лаборатория сгорела. Хотя гореть там особо было нечему.

За столом повисла неловкая пауза. Ученый продолжал нервно крутить по скатерти пепельницу, а Белогор мысленно подводил итог.

Те, кто делал предложение Зухелю, несомненно, имели отношение к силовым структурам. Вряд ли информация успела просочиться настолько, что заинтересовала криминальные круги. А вот военные или скорее кто-то из «безопасников» вполне могли, что называется, держать руку на пульсе. Может быть, даже этот шустрый Расков как раз и работал на них, сливая информацию о результатах. «Перун» не единожды сталкивался за последние полтора года со скрытым, неявным противодействием в своей деятельности по части поиска и вербовки ученого люда для работы в закрытом научном центре «Юность мира». Это учреждение, организованное с подачи группы патриотически настроенных депутатов и бизнесменов, разместили в одном из бывших санаториев Министерства обороны, выкупленном в частное владение. А клубу исторической реконструкции «Перун» без обиняков предложили взять на себя его охрану и пополнение научных кадров.

За полтора прошедших года бойцы Белогора переправили в «Юность» около трех десятков биологов, медиков, физиков, психологов согласившихся поработать «на будущее России». И было несколько моментов, когда Белогор буквально кожей чувствовал присутствие некой скрытой силы, пытающейся помешать поиску и переправке спецов в центр. Однажды случился даже физический контакт... К сожалению, в плен взять никого из нападавших не удалось. Встретив жесткое сопротивление бойцов «Перуна», неизвестные ребята лихо скрылись на поджидавшей их машине...

Вполне вероятно, что в нынешней ситуации помощник профессора попал именно к ним, в то время как Зухель буквально чудом вышел на «Перун». Он просто явился в помещение клуба, располагавшегося в старой котельной на Шаболовке, и попросил его защитить. На счастье профессора, там оказался сотник Рысь, один из главных помощников Белогора. Он-то и рассказал о необычной просьбе «странного еврея».

– Вот что, Иннокентий Абрамович, – решил наконец Белогор, – мы вам поможем. У меня есть к вам предложение: хотите продолжить работу в кругу единомышленников?

– В каком смысле? – нахмурился Зухель.

– Дело в том, что «Перун» неофициально обеспечивает безопасность одного перспективного научного центра...

Все-таки Новый год – самый радостный и ожидаемый праздник. Допускаю, что существуют отдельные мрачные личности, утверждающие, что Новый год – еще один шаг к неизбежному концу. Лично мне их искренне жаль. Сразу вспоминается старый анекдот из моей прошлой, медицинской, жизни: «Доктор, я жить буду? – А смысл?..»

Я, например, подсознательно начинаю ощущать приближение новогоднего праздника примерно недели за три. Люди вокруг меняются, становятся оживленнее, приветливее, в глазах зажигаются проказливые огоньки, отовсюду слышны шутки, смех. На улицах и в магазинах появляются первые украшения – бумажные снежинки, китайские гирлянды, светомузыка, – и возникает приятная предпраздничная суэта.

А уж за три-четыре дня вспыхивает натуральный ажиотаж. Все мечутся, скупают на подарки уже никому не нужные вещи, в продуктовых магазинах самые настоящие очереди за самыми обычными товарами. Толкотня, беготня, гвалт. Но таковы уж мы, россияне, – все делаем в самый последний момент.

Вот и я за три дня до Нового года все еще не определился, где и с кем буду его встречать. Холостая жизнь, конечно, имеет свои плюсы, но минусов у нее тоже хватает. Один из них можно обозначить примерно так: «Кому он нужен, этот Васька?». Здорово, если есть прочная, устоявшаяся компания. Но у меня ее не было. Нет, конечно, существовало минимум два места, где я оказался бы желанным гостем, но всему виной мой неутомный и общительный характер. Ему все время нужны новые ощущения, новые впечатления, ну и новые приключения, естественно.

И вот сегодня, в последний рабочий день – предпраздничный, я сидел за своим рабочим столом в редакции и чертил табличку. По вертикали в первой колонке я выписал все возможные компании, куда бы можно было пойти, а следующие две колонки обозначил как «за» и «против». В самый разгар этого ответственного дела в комнату неожиданно вкатился Колобок, то есть мой непосредственный шеф – Григорий Ефимович Разумовский. Прозвище свое он оправдывал на все сто: кругленький, лоснящийся, энергичный и самоуверенный – вылитый Колобок!

Правда, передо мной после той жутковатой истории с полтергейстом из Заречья, когда я буквально спас шефа от растерзания потусторонними силами, вырубив его на несколько минут и тем прервав губительный контакт, Разумовский не то чтобы терялся, а относился ко мне с заметным пиететом.

– А, Дмитрий Алексеевич, – изрек Колобок, уставившись на меня и в замешательстве теребя мочку уха, – очень хорошо, что вы еще здесь.

– Почему – еще, Григорий Ефимович? – не понял я, с сожалением оторвавшись от своей непростой задачи.

– Потому что есть одна небольшая проблемка, которую решить сможете только вы.

У меня неприятно засосало под ложечкой. Когда шеф изъяснялся подобным образом, сие означало, что или «горела» полоса и в нее срочно требовалось «вливать» информацию до полного объема, либо наклеивалось какое-то нестандартное дело, лучше с мистическим

душком. И в том и в другом случае журналист Котов – ваш покорный слуга – считался у начальства чуть ли не единственным специалистом, способным «лечь грудью на амбразуру», но добыть нужные килобиты в кратчайшие сроки.

– Это новогодний сюрприз? – желчно поинтересовался я. Обычно такой тон мигом сбивал шефа с делового настроения, Колобок терялся, начинал мямлить, а иногда даже просил прощения за беспокойство. Но не в этот раз!

– Можно сказать и так, – невозмутимо заявил он. – У нас киднеппинг!

– У нас в стране каждый год похищают по несколько тысяч людей. Это давно уже не сенсация.

– Но не в этом случае.

– И что в нем особенного?

– Из Заречного детдома исчезло сразу пятнадцать детей! – Колобок воззрился на меня с видом форварда, забившего финальный мяч.

– Опять Заречье? – парировал с усмешкой я. – Неужели снова полтергейст зашевелился?

При слове «полтергейст» шефа заметно передернуло, но он все же нашелся.

– Вот ты и выясни, Котов.

– Это шутка?

– Почему?

– Двадцать девятое декабря, Григорий Ефимович! – трагическим голосом сообщил я.

– Рабочий день, – пожал он плечами. – Действуйте, Дмитрий Алексеевич, – и стремительно выкатился из комнаты.

Шутки кончились. Я мрачно уставился на свою таблицу.

– Вот тебе, чтоб не мучился! – громко сказал я в пространство и вычеркнул все пункты, кроме одного: «Ракитины».

Что ж, первая мысль всегда самая верная. Поскольку в нашем городе киднеппинг – явление нечастое, даже редкое, невзирая на государственную статистику, заниматься им, конечно, будет капитан Олег Ракитин, лучший опер криминальной милиции, мой бывший однокашник и самый близкий друг.

«А вообще-то, какой может быть киднеппинг в детдоме?! – мои тренированные извилины уже заработали в нужном направлении. – Логичнее предположить массовый побег, например? Тоже не редкость в наше время. Поскольку условия жизни в этих заведениях частенько несильно отличаются от исправительно-трудовых колоний. Детки, детки, и куда же вас понесло? Зима в полный рост: морозец под двадцать, сугробы выше головы. В городе спрятаться особо негде. Милиция перекроет все немногочисленные дороги, автовокзал и „железку“, потом начнут планомерное прочесывание подвалов и заброшенных строений – выловят по одному и пачками за несколько дней! Вот если бы пропал один ребенок, тогда возможно...»

Умственные упражнения мои были прерваны внезапно ожившим служебным телефоном. Даже не пытаясь догадаться, кто бы это мог быть, я снял трубку.

– Котов слушает.

– Але, это номер 55–24—12? – раздался в наушнике подозрительно знакомый голос.

– Нет...

– Так что ж вы снимаете трубку?

– Блин, Дюха! – радостно взревел я. – Откуда ты, черт?

Опустившийся почти до нуля градус моего настроения стремительно прыгнул к точке

восторга, потому что это был он, Андрей Куваев, мой бывший сосед по парте, тоже старый друг, а еще – системный программист, забияка и путешественник. Правда, на путешествия его «пробило» буквально последние лет пять. Именно поэтому мы теперь виделись редко, но это никак не отразилось на наших чувствах. Более того, с некоторых пор у нас вошло в привычку собираться у кого-нибудь на квартире после очередного Андрюхиного возвращения и слушать рассказы о его приключениях, потягивая ром или благородный коньяк и покуривая любимые сигареты.

«Кажется, Новый год у меня все-таки состоится!» – весело подумал я.

– Из Аотеароа, Димыч, – уже нормальным голосом загудел Андрюха, – то есть из Страны Длинного Белого Облака!

– Ух ты, из Новой Зеландии?!

– Соображаешь, молодец!

– И чего ты там забыл?

– Все комменты при личной встрече.

– Ладно, потерплю. А где?

– Думаю, договоримся. Сейчас вот Олегу позвоню...

– Не дозвонишься.

– Почему?

– У нас тут киднеппинг образовался. А такая работенка по его части.

– М-да, как все запущено, – Дюха явно погрузнел.

– Не сникай, – успокоил я. – Меня тоже к этому делу припахали, как журналиста, так что я с Олегом сам переговорю насчет точки randevu.

– О'кей, Димыч, – воспрял наш бродяга. – До связи!

Я с удовольствием припечатал трубку к аппарату и потер руки – отлично, мсье Котофф, работаем! Привычно прошерстил ящики стола, собрал «походный минимум»: диктофон, блокнот, ручку, фонарик, лупу и медицинские перчатки. Последние три вещи на самом деле вовсе нелишние в работе репортера уголовной хроники. Куда только не приходится лазить и в чем только ни приходится ковыряться в поисках «горячей» информации для заметки или репортажа.

Добавив к набору пару пачек сигарет и бутылку холодного зеленого чая, я застегнул сумку и вызвал по мобильнику Олега Ракитина.

– Привет, опер! Идешь по следу?

– Копаюсь в снегу! – неприветливо отозвался Олег. – Чего надо?

– Звучит оптимистично, – не удержался я. – А мне тут задание дали. Новогоднее.

– Если ты по поводу праздничного меню, звони Алене. Мне некогда!

– Вряд ли твоя жена здесь поможет. Первым пунктом у меня значится киднеппинг в Заречном детдоме.

В трубке отчетливо засопели, послышалось сдавленное ругательство, наконец Ракитин как-то натужно пропыхтел:

– Хватит болтать, Димыч! Сколько тебе сюда добираться?

– Ты что, застрял? – догадался я. – И где?

– Километр до детдома не доехал!

– Гут, мин херц, – подскочил я, – жди минут через двадцать!

Служебную машину Ракитина я увидел издалека. Вернее, виден был только зад его «ауди», каким-то непостижимым образом умудрившейся слететь с совершенно прямой дороги на обочину и зарыться в сугроб. И это при том, что Олег умел виртуозно управлять любым колесным транспортом!

Я остановил свой полноприводный «сузуки» буквально в паре метров от «ауди» и лишь тогда обнаружил бравого капитана, усердно откапывающего левое крыло машины.

Я вышел из джипа, но Олег поднял голову только на звук захлопнувшейся дверцы.

– Привет! – пропыхтел он, вытирая рукавом куртки раскрасневшуюся физиономию.

– Физический труд на свежем воздухе весьма полезен для здоровья работников охраны правопорядка, – хмыкнул я, пожимая руку друга.

– Когда-нибудь я тебя засажу суток на тридцать, Котов! – немедленно набылчился Олег.

– За что, начальник?!

– За оскорбление при исполнении!

– Ух, ты! – развеселился я. – А разве старшие оперуполномоченные теперь обязаны откапывать застрявшие в снегу машины? Как интересно!

– Заткнись! – рявкнул Ракитин, закипая всерьез, и мне пришлось примирительно замахать руками. Потому что разозлить Олега было легко, а вот утихомирить весьма сложно. – У тебя трос есть?

– В Греции все есть... – брякнул я по инерции, но тут же спохватился: – Конечно, имеется. Щас все сделаем в лучшем виде!

Я вытянул из лебедки под передним бампером джипа метра три прочного полимерного троса и накинул петлю на фаркоп «ауди». Вся операция спасения не заняла и пары минут. Когда ракитинская легковушка прочно встала в присыпанную редким песочком колею, я, отцепляя трос, все же не удержался и спросил:

– Как все-таки тебя угораздило слететь с дороги, Олежек?

– Сам не понимаю, – пожал он плечами. – Ехал не быстро, километров семьдесят...

– Может, встречная машина была?

– Да нет вроде...

– Так «нет» или «вроде»? – насторожился я. Не в характере Ракитина подобные сомнения.

– Понимаешь, Димыч, – Олег действительно выглядел теперь растерянным, – не помню я!

– Погоди, – я достал сигареты, – давай-ка покурим, успокоимся...

– Ладно, – он тоже вытащил пачку, – давай.

Мимо со стороны Заречья прокатил расхристанный «уазик». Водитель, заметив нас, сбросил скорость, разглядывая и, видимо, прикидывая, нуждаемся ли мы в помощи. Ракитин рассеянно посмотрел на него и отвернулся. Я тоже непроизвольно посмотрел на водилу и вдруг встретился с ним взглядом. На какую-то долю секунды у меня возникло ощущение, что я знаю этого молодого человека, вернее, знал раньше. Но мысль пропала, так и не сформировавшись, и я решил, что обознался. Водитель тоже не проявил никаких эмоций в мой адрес и укатил в сторону трассы.

Мы с Олегом уселись в мой джип – теплый, уютно ворчащий дизелем – и дружно

задымили, приспустив стекла.

– Кого это ты так внимательно рассматривал? – поинтересовался Ракитин. – Знакомый, что ли?

– Да нет, думаю, показалось, – отмахнулся я.

– А мне вот не показалось, – замедленно, задумавшись о чем-то, произнес Олег. – Определенно я сегодня уже видел этого «козлика»... Какой у него номер?

– Не запомнил...

– Зря. Кажется, «в 756 бе»... Регион наш.

– И бог с ним! Наверное, этот мужик просто живет здесь, в Заречье. Вернемся лучше к нашим баранам... Итак, ты ехал в Заречный детдом разбираться с заявлением о пропаже полутора десятков ребятишек... Кстати, есть какие-нибудь подробности?

– Да. Вчера вечером после отбоя все воспитанники были на месте. Ночной обход палат и комнат, который совершает дежурный воспитатель между двумя и тремя часами ночи, также не выявил отсутствия ребятишек. А в семь часов у них там побудка. Ну, естественно, это не армия и не колония, потому и встают детдомовцы не все и не сразу. Видать, по этой причине пропажу быстро и не обнаружили. К тому же исчезли не однокашники и не товарищи по какой-то одной комнате. Ребята пропали разного возраста и из разных комнат! Так что, если это побег, то больно уж странный. Короче, заявление поступило от заместителя директора в семь тридцать утра, сегодня. Наш дежурный принял заявление и передал в отдел в оперативную разработку...

– Сейчас, между прочим, уже девять тридцать, – посмотрел я на часы. – Где же ваша оперативность, господин опер?

– Димыч, ты не поверишь, – Ракитин нервно усмехнулся и сделал глубокую затяжку, – но меня все утро преследует какая-то чертовщина.

– Ты же знаешь, Олежек, бесовщина, паранормальщина и прочий полтергейст по моей части, – небрежно сказал я, хотя внутри уже запела струнка охотничьего азарта, будто в предвкушении очередного приключения.

– Да уж, – Ракитин резко выдохнул дым и продолжил медленно, словно через силу: – Это началось почти сразу... Сначала я не мог ни до кого дозвониться, то есть собрать бригаду для выезда. Виданное ли дело: дежурная бригада не готова выехать! Один на толчке сидит, слезть не может; второй ключ от сейфа сунул куда-то, никак не найдет. А там, между прочим, все бумаги плюс табельное оружие! Водила вообще сгинул – никто его не видел с ночи и мобильник молчит...

– Интересно! А с тобой лично что произошло?

– Ну, поглядел я на этот бардак и решил: поеду один. Приказал олуху Руденко всех собрать и догонять на «уазике», а сам – бегом на стоянку. Из подъезда выскочил, да ка-ак навернусь в полный рост на крыльце! – Олег виновато покосился на меня. – Веришь, Димыч, это я-то, мастер спорта по дзюдо, не сумел сгруппироваться?!

– М-да, бывает, – неопределенно пожал я плечами.

– Не бывает! У меня было четкое ощущение, будто кто-то или что-то одновременно подсекло мне пятки и толкнуло в грудь! – Ракитин выпалил фразу на одном дыхании и уставился на меня. Окурок в его пальцах заметно подрагивал.

– Спокойно, дружище, – я постарался улыбнуться как можно искреннее, но получилось неважно. – Разберемся! Что еще необычного с тобой произошло?

– Ну, слава богу, я ничего себе не отбил и не сломал, хотя локоть и ноет, – он кивнул на

свою правую руку. – Дальше... Машина при выезде на трассу заглохла.

– Как это?!

– А так! Там подъемчик небольшой, я скорость сбросил, воткнул вторую передачу, отпускаю сцепление и – кирдык!

– Ну, машина у тебя старая, а инжекторы ты лет сто не мыл.

– Не-а, Димыч. «Старушка» моя только позавчера с техосмотра вернулась. Оперативные машины у нас разве что языками не вылизывают.

– Ладно, что еще?

– Вспомнил! Вот там я и увидел этот «уазик», – хлопнул себя по лбу Олег. – Он со стороны Моряковки по трассе шел. Притормозил вот так же... И укатил.

– Да к черту «уазик»! – нетерпеливо перебил я его. – Вспомнил – и хорошо. Рассказывай дальше.

– А мое последнее приключение – вот, – он ткнул окурком в мирно пытящую выхлопной трубой «ауди».

– Что, по-твоему, заставило тебя свернуть с дороги? – уточнил я, выкидывая свой «бычок» в окно.

– Показалось, что здесь поворот, – помолчав, нехотя ответил Ракитин и тоже избавился от окурка. – Лады, Димыч, поехали. И так времени потеряли... – Он вылез из джипа и направился к своей машине.

– Еще вопрос, капитан, – окликнул я его из опущенного окна. – А где же твоя бригада на «уазике»?

Олег посмотрел на меня так, будто я лично спрятал его «орлов» и теперь издеваюсь над ним. Несколько секунд он топтался в нерешительности, потом достал мобильник.

– Руденко?.. Ну и где вас черти носят?.. Что значит, не знаешь?!.. Какая еще Черная речка?! В Заречье вам надо! В Заречье! В детдом!.. – Ракитин сунул телефон обратно во внутренний карман куртки и ошалело посмотрел на меня: – Слышал?..

– Угу. А чему ты удивляешься? Если здесь и впрямь замешана нечисть, события развиваются весьма логично.

– Димыч, прекрати! Я в мистику не верю!.. Скажи еще, что мы вообще до детдома не доедем?

– Возможно, но... маловероятно, – я сделал глубокомысленное лицо. – Непохоже все-таки это на нечисть.

Олег сплюнул, забрался в машину, и «ауди» сорвалась с места, как камень из пращи, взрыв колесами утрамбованный снег. Я понял, что немного переборщил, и не спеша покатил следом, решив дать возможность бравому оперу слегка остыть.

Вообще-то, картина вырисовывалась преинтереснейшая. Несколько разновозрастных ребяташек бесследно и, похоже, бесшумно исчезают из запертого здания где-то между тремя и семью часами утра. Заявление следует вскоре после обнаружения пропажи, милиция реагирует стандартно, однако дальше логика событий нарушается. Такое впечатление, словно кто-то или что-то намеренно пытается помешать или, по крайней мере, максимально задержать расследование! Если встать на эту точку зрения, объяснение становится простым и одновременно невероятным. Простым, потому что все события утра обретают ясность и мотив. Невероятным, потому что совершенно непонятно, что же за фактор породил их? Я, конечно, склонен к мистике и считаю, что она – такая же неотъемлемая составляющая нашей жизни, как наука и религия. Но в данном случае я, как говорил один из героев сэра

Артура Конан Дойла, категорически отвергал вмешательство потусторонних сил. Что-то подсказывало мне, что причина необычности все же имеет вполне земное объяснение. Но вот какое?..

Вопреки ожиданиям Олега, мы оба благополучно доехали до ворот детдома. Запарковав машины на небольшой, аккуратной стоянке, мы прошли к турникету охраны и предъявили свои удостоверения. Толстый мужик в черной вохровской форме долго вертел наши «корочки», щуря маленькие подслеповатые глазки, наконец соизволил открыть проход и даже буркнул что-то похожее на «здрассьте».

По широкой расчищенной от снега дорожке мы добрались до низкого, тоже широкого крыльца здания. На вид ему было лет сто, а то и сто пятьдесят. Видимо, когда-то это был особняк купца, а может, промышленника. С тех пор дом неоднократно ремонтировали как снаружи, так и, вероятно, внутри. Но солидности и приятности ремонты ему не прибавили. Скорей наоборот. В общем, здание являло собой типичную жертву советского хозяйства, когда все вокруг было общее, а следовательно – ничье.

– Странноприимный дом! – не выдержав, фыркнул я.

– М-да, – кивнул Ракитин, разглядывая вычурные чугунные решетки на окнах первого и второго этажей, – оптимизма его вид не добавляет. Неудивительно, что ребяташки отсюда бегут.

В большом квадратном холле первого этажа было на удивление тихо и пустынно. У внутренней лестницы в три ступеньки, ведущей в Т-образно расходящийся коридор, дремал на стуле еще один вохровец. Такой же грузный и неповоротливый, как и его напарник на входе. На наши гулкие шаги по деревянным крашеным доскам пола охранник приоткрыл один глаз и просипел:

– Не велено!..

– Старший оперуполномоченный капитан Ракитин, – махнул Олег у него под носом удостоверением. – Где нам найти начальство?

Вохровец ткнул толстым пальцем через плечо:

– Двадцать третья комната, налево, – и снова погрузился в сладкую дрему.

– По-моему, смахивает на ложный вызов, – покосился на него Ракитин. – Неужто охрана не в курсе ЧП?

– А по-моему, это элементарное «ку»! – пожал я плечами. – Или «повсенах».

– Это что такое?

– «Пошли все на...». Очень заразное заболевание.

– Ничего, вылечим! – мрачно пообещал Олег и двинулся в коридор. Я поспешил за ним, попутно разглядывая стены, увешанные разнообразными агитплакатами пожарной охраны и МЧС.

– Тебе не кажется, что в здании вообще никого нет? – спросил я.

– Выясним, – буркнул Ракитин, толкая обитую желтым дерматином дверь с табличкой «23».

В тесном кабинете, заставленном обшарпанной «совковой» мебелью, в основном различными шкапами, за таким же обшарпанным столом сидел человек лет пятидесяти, одетый в мятый костюм неопределенного цвета. Он что-то усердно писал в большом блокноте, поглядывая в раскрытый перед ним толстый грессбух.

– Вы заместитель директора детского дома «Заречье» Нагибин? – грозно поинтересовался Ракитин.

– В чем дело, граждане? – не менее сурово спросил мужчина, откладывая ручку. Кисти рук его, торчавшие из рукавов пиджака, были широкими и волосатыми.

Пришлось снова лезть за документами.

– Извините, товарищи, – посветлел ликом хозяин кабинета. – Я – Нагибин Елисей Николаевич, замдиректора по воспитательной работе. Спасибо, что оперативно откликнулись на наш зов!

– Служба такая, – ляпнул я.

Олег уничтожающе посмотрел на меня.

– Ну, выкладывайте, Елисей Николаевич, что же произошло?

– Так я вроде все в заявлении...

– Вроде – значит, не все, – веско сказал бравый оперуполномоченный, озирая кабинет орлиным оком. – Например, мне нужен подробный список пропавших: фамилия, имя, отчество, возраст, пол, наличие родителей и родственников, адреса их проживания, телефоны. Это для начала...

– А я думал... – растерялся Нагибин. – Конечно, конечно! – тут же опомнился он и схватился за телефон. – Раиса Степановна, милочка, тут милиция приехала по нашему заявлению, так вы уж подготовьте, пожалуйста, все документики на беглецов... Спасибо.

– Кто это? – кивнул Олег на телефон.

– Раиса Степановна, наш бухгалтер, ну и кадровик, так сказать... – Нагибин сделал попытку улыбнуться, но вышло жалко и беспомощно.

– Так что вы еще нам не рассказали про ЧП? – спросил Ракитин, рассматривая корешки книг в шкафу.

– Ну... понимаете, ночной обход делал сегодня я сам, дежурил я... Так вот, когда я проходил верхним левым коридором, – замдиректора ткнул указательным пальцем в потолок, – мне показалось, что по перпендикулярному коридору кто-то ходит...

– А что там находится? – Я решил присоединиться к беседе.

– Учебные комнаты...

– То есть ночью там никого не должно быть?

– Так точно... Я остановился, прислушался и ясно уловил тихий удаляющийся топот.

– Вы хотите сказать, что в коридоре находилось несколько человек? – уточнил Олег.

– У меня сложилось такое впечатление, – Нагибин виновато переводил взгляд с него на меня и обратно.

– А куда могли уйти эти предполагаемые люди? – снова вступил я.

– Там, в конце коридора, есть выход на пожарную лестницу, на случай эвакуации.

– Вы ее проверили?

– Да... Она была заперта.

– А ключ у кого?

– У меня, у директора, у завхоза, у охранника корпуса...

– Иными словами, бери – не хочу!

– Помолчи, Димыч! – сердито оборвал мой допрос Олег. – Значит, Елисей Николаевич, вы проверили дверь, и она оказалась запертой?

– Да...

– А вы не обратили внимания, пользовались ли ею недавно? Ну, там – пыль стертая, следы свежие, краска возле замка отскочила?..

– Нет, ничего такого я не заметил, – насторожился Нагибин. – Но можно пойти

посмотреть.

– Посмотрим обязательно... Что еще вы можете добавить? По поводу пропавших?..

– Пропавших?.. Ах, да! Это все ребяташки, лет по шесть, по восемь.

– Интересный факт, – опять встрял я.

– Чем же? – прищурился Ракитин.

– Пропали действительно дети, то есть, выражаясь научным языком, особи, не вступившие в период полового созревания!

– И что сие может означать?

– Все, что угодно. Налет банды педофилов, заказ подпольной порнографической кинокомпании, сектанты-извращенцы, помешанные на детских жертвоприношениях...

– Заказ, говоришь? – остановил меня Олег. – А что, вполне возможно!

– Да, ладно, капитан, – усмехнулся я, – не принимай близко к сердцу. Какие у нас подпольные порностудии?

– Не скажи, Димыч. Чикатило, вон, тоже не в столице работал... К тому же я и не порнуху имел в виду.

– А что?

– Ну, мало ли... Просто идея плодотворная: заказ – весьма жизнеспособная версия. От нее и пойдем!

Ракитин оглянулся на замершего в нерешительности Нагибина и сделал приглашающий жест:

– Ну-с, Елисей Николаевич, покажите нам... места событий.

* * *

В город мы вернулись под вечер. В декабре у нас в Сибири темнеет уже часа в четыре пополудни. Не сговариваясь, доехали до управления криминальной милиции и запарковались на почти пустой стоянке. Рядом с моим джипом приткнулся «уазик» опергруппы. Хмурый лейтенант Руденко и не менее насупленный эксперт-криминалист Потехин молча направились к входу в здание, а мы с Олегом остались покурить на свежем воздухе.

Многочасовой осмотр комнат, из которых пропали дети, ничего не дал. Их соседи ничего не видели и не слышали, – сон у ребяташек, как правило, крепкий, если они не болеют. Единственное, что бросилось в глаза, это отсутствие одежды.

– Странноватое похищение, – сказал я. – Такое впечатление, что детишки сами тихонько встали, оделись, даже взяли с собой некоторые личные вещи и так же тихо ушли.

– Куда? – тяжело вздохнул Ракитин. – Детдом стоит на самом краю поселка, ворота всего одни, охраняются...

– Ну да, сонным боровом!

– Ладно. Вышли они с территории, а дальше? Или в поселок к автостанции топать, или, что вероятнее, по дороге до трассы.

– Пятнадцать мальчишек и девчонок идут по обочине федеральной автотрассы – ничего себе картинка! Обязательно бы кто-нибудь да сообщил, хотя бы по ноль-два.

– М-да, не вытанцовывается, – легко согласился Олег, разглядывая тлеющий кончик сигареты. – Твоя версия?

– Ну, если это все же похищение... Значит, их увезли. На одной или нескольких машинах, – не очень уверенно выдал я.

– Ага. Тупик, – констатировал Ракитин, мне показалось, даже с некоторым злорадством. – Уйти они далеко бы не смогли, а машину или машины тоже кто-нибудь бы да засек. Тот же сонный боров у ворот. Ночью там должна стоять почти гробовая тишина – не город, чай! Любой посторонний звук, как выстрел из пушки.

– Есть еще комбинированный вариант, – сказал я, делая глубокую затяжку. – Детки тихо вышли из ворот и прошли по дороге к трассе метров триста. А там их подобрала машина похитителей...

– Бритва Оккама, Димыч, – покачал головой Олег. – И потом, какое же это похищение? Больше на стговор похоже.

– Ерунда, – неохотно согласился я. – Тогда остается только один вариант...

– Это какой? – подозрительно покосился на меня Ракитин.

– Гипноз. Или суггестия^[1].

– Хочешь сказать, что ребятишек кто-то загипнотизировал и заставил выйти из детдома?

– Почему нет?

– Гаммельнский крысолов! – фыркнул Олег и выбросил окурок. – Придумай что-нибудь более достоверное. Он что, ходил по коридорам и комнатам, делал внушение, и при этом его никто не видел?

– Почему нет? – повторил я. – Если этот... неизвестный – достаточно сильный экстрасенс, владеющий динамической суггестией, он вполне мог проделать подобный трюк: и мимо охранника пройти, и детей обработать, и того же замдиректора, если он ему по дороге попался. Очень даже работоспособная версия получается!

– Предлагаешь ловить экстрасенса, – саркастически усмехнулся Ракитин. – Узнаю друга Котова! Вечно тебе везде паранормальщина мерещится. А без нее слабо?..

– Шерлок Холмс, между прочим, говорил, что если после отбрасывания всех фактов остается самый невероятный, который объясняет все, значит, он и есть истина!

– Ты еще Пуаро и мисс Марпл сюда приплети! – Олег тоже избавился от «бычка». – Все! На сегодня мозговой штурм закончен. По домам!

– А завтра что делать будем?

– Думать будем! И ждать результатов от поисковых групп.

Ракитин хлопнул меня по плечу и пошел к зданию управления. А я снова уселся в теплый салон джипа. На душе было пакостно. И не потому, что мы не смогли сходу разгадать этот ребус с исчезновением. Где-то глубоко в моем мозгу билась упорная мысль, что мы упустили нечто важное, какую-то подсказку. Я чувствовал, что идея насчет участия в деле экстрасенса не совсем неверная. Определенно экстрасенсорное воздействие тут наличествовало, я почти физически ощущал его присутствие, хотя паранормом в полном смысле слова не был. Правда, мои бабушка и мать владели даром предвидения – чему я неоднократно в детстве был свидетелем, но ко мне этот дар не перешел. Во всяком случае, я его в себе до сих пор не обнаружил.

Так, терзаемый сомнениями и чувством неудовлетворенности, я доехал до своего дома, нахально поставил джип возле самого подъезда и поднялся в квартиру.

Грэг мохнатым рыжим сфинксом лежал на привычном месте – банкетке возле полки с телефоном. Этого красивого и своенравного мэйнкуна мне три года назад подарила Мария Сергеевна Черных. Маша...

Нам было, наверное, слишком хорошо вдвоем. И, наверное, мы оба так и не поверили в свое счастье. Иначе Маша не отправилась бы одна в то роковое путешествие – рафтинг по Катуню... Грэг очень ее любил. Он два месяца, каждый день в шесть часов вечера выходил в прихожую и садился на ту самую банкетку. Ждал Машу... А потом стал встречать меня.

– Ну, что, котяра, соскучился? – задал я ритуальный вопрос. Грэг тут же поднялся, грациозно потянувшись во весь свой немалый рост, и бесшумно вспрыгнул мне на плечо. Потеря теплой, пушистой щекой о мое ухо и разлегся у меня на заливке на манер манто, свесив лапы. Увесистое «манто», между прочим, кило этак на семь-восемь. В таком положении он мог ездить на мне часами, неважно, чем я при этом занимался: мыл руки, ел, читал, сидел за компом.

Я прошел на кухню, зажег плиту и поставил разогреваться чайник и кастрюлю с борщом. Это было почти единственное блюдо, которое я готовил дома с тех пор, как не стало Маши. Чаще я питался в кафешках, иногда в гостях у знакомых и друзей. Но борщ отчего-то понравился Грэгу, поэтому кастрюля никогда не пустовала. Причем кот съедал не только мясо, но и бульон с овощами.

Пока еда разогревалась, я перебрался в комнату и включил комп. Версия об участии паранорма в исчезновении детей не шла из головы. В самом деле, если это так, то все сходится. Он усыпляет охранника или отводит ему глаза, проникает в здание, отыскивает нужных ему детишек по одному, обрабатывает их тем же приемом, что и охранника, затем выводит всех через пожарный выход... Стоп! Тоже необязательно. Мог и прямо через парадное – преград-то никаких. Вывел их, значит, за ворота, усадил в какой-нибудь микроавтобус – и привет! Конечно, вряд ли паранорм был один. Явно кто-то работал на подстраховке. То есть групповой стовор налицо, можно не сомневаться. Осталось вычислить, кто же заказчик...

На кухне засвистел чайник, и я вернулся туда сделать заварку любимого травяного сбора.

Вот с заказчиком пока непонятно. Все дети в возрасте от шести до восьми лет. Кому и зачем они могли понадобиться? И в таком количестве?.. Количество, кстати, указывает на неслучайный интерес. Если исключить психопатологию, то становится очень похоже на подбор материала для каких-то исследований, опытов?.. Похоже. Но для каких? Медицинских? Психологических? Химических, в смысле фармацевтических?.. М-да. Равновероятно...

На кухне явно запахло борщом. Грэг приоткрыл глаз, коротко муркнул и уперся лапой мне в щеку. Я понял намек и щедро плюхнул полную поварешку густого варева в кошачью миску, присовокупив туда изрядный кусок говядины. Грэг соскользнул с моего заливка на пол и уселся перед миской в ожидании, когда еда немного остынет. Я налил борща себе и оседлал табурет возле стола.

Все-таки, учитывая необычность способа получения «материала», речь скорее может идти о психологическом интересе. Допустим, некие нехорошие ребята решили обкатать новые техники из арсенала нейро-лингвистического программирования или трансформационной грамматики. Вполне правдоподобно. Только при этом красть детей ни к чему. Все можно обтять абсолютно легально, с разрешения властей. Значит, что-то другое...

Так, перебрав за полчаса пару десятков вариантов сценариев злодейства, я выдохся и пришел к выводу, что требуется подпитка извне. Причем неординарная. И тут я вспомнил о Золотарева.

Заснеженный элитный поселок на холме в долине речки Пахры еще сладко спал, несмотря на осветившее его солнце, когда в одном из роскошных трехэтажных особняков в полутемном холле «замурлыкал» телефон. Из дверей столовой показался человек, облаченный в роскошный китайский халат с золотыми драконами по синему атласному полю. В руках человек держал кофейную пару. Сделав маленький глоток из чашечки, он спокойно прислонился к косяку, не делая попытки подойти к телефону. Спустя десять секунд включился автоответчик и сексуальным голосом знаменитой певицы предложил оставить сообщение для хозяина. Вслед за этим из динамика донесся хрипловатый низкий голос:

– Шеф, это Баклан. Мы его нашли! «Крот», которого Стерх подготовил, сработал. Жду указаний.

Человек в атласном халате не спеша допил кофе, вернулся в столовую, поставил опустевшую чашку и блюдо в раскрытую посудомоечную машину и поднялся на второй этаж. Войдя в спальню, не уступавшую размерами столовой, он некоторое время рассматривал разметавшуюся по огромной круглой софе спящую женщину, задержав взгляд на ее пышной груди, выпавшей из широкого выреза ночной сорочки. Затем скинул халат на пол и голышом подошел к шкафу-купе, занимавшему почти всю стену напротив окна. С зеркальной панели шкафа на хозяина глянул крепкий, отлично сложенный мужчина, без намека на обрюзглость. И лишь серебрившиеся виски и морщинки вокруг светло-серых глаз говорили о том, что мужчина далеко не молод.

Он раскрыл шкаф, быстро облачился в простецкие с виду джинсы и свитер, прихватил яркую лыжную куртку и вновь спустился в холл, а оттуда – в подземный гараж.

Через минуту из автоматически раскрывшихся ворот усадьбы выкатился серебристый «Лексус RX-450h» и рванул к выезду из поселка.

Мужчина за рулем вынул из гнезда трубку спутникового телефона, нажал «горячую» клавишу и произнес в микрофон:

– Объект «Зет» обнаружен. Готовьте группу захвата. Время «Ч» – двадцать два часа. Сегодня.

* * *

Иннокентий Абрамович открыл дверь коттеджа и с наслаждением вдохнул полной грудью свежий морозный воздух. Столбик термометра, укрепленный на опоре козырька крыши, замер на отметке минус десять градусов. Солнечные лучи разноцветными бликами скачут по заснеженным ветвям елей и белым спинам высоких, по грудь, сугробов, выросших вдоль дорожек и тропинок огромного, старинного парка. Замечательная погода!

Профессор спустился с крыльца коттеджа и, пританцовывая, двинулся по расчищенной лично им дорожке к основной аллее, ведущей в глубину парка, к научному корпусу. Раньше все здесь принадлежало Министерству обороны России и называлось санаторием «Юность».

Теперь же комплекс был превращен, по сути, в закрытый научный поселок. Центральный корпус полностью переоборудовали под приличных размеров НИИ, а во втором, меньшем, корпусе устроили общежитие для сотрудников и охранников – бойцов «Перуна». Кроме того, на территории оборудовали еще два десятка коттеджей для руководящего персонала и семейных работников. Спортивно-оздоровительный корпус и прочие вспомогательные строения новый хозяин оставил в прежнем качестве.

Вся немалая территория санатория была огорожена мощным каменным забором с самой современной системой контроля и сигнализации – тепловые датчики, видеокамеры, датчики движения, скрытое оповещение. Плюс все жители «Юности» имели персональные радиомаяки с системой опознавания «свой-чужой».

Иннокентий Абрамович все это знал и потому чувствовал себя здесь в полной безопасности. Сбылись его самые смелые мечты: он жив, он работает и у него есть надежный дом. Профессору снова была предоставлена целая лаборатория и пять улыбчивых молодых сотрудников в помощь. Оснащение центра тоже порадовало. Новый хозяин не скупился на траты, хотя, возможно, не он один. Помнится, волхв Белогор говорил что-то о группе влиятельных депутатов и бизнесменов.

На главной аллее Зухель присоединился к двум забавным молодым людям – братьям-программистам Ивану и Павлу Зарубиным. Они вдвоем волокли на себе все немалое электронное хозяйство центра, и при этом прекрасно со всем справлялись.

Иннокентий Абрамович окрестил их про себя А-Янусом и У-Янусом, как героев его любимого произведения братьев Стругацких. Дело в том, что Зарубины были близнецами, и отличить кто из них кто порой бывало непросто. К тому же сами братья постоянно разыгрывали коллег, выдавая себя за другого. И все же Зухель спустя какое-то время наловчился их различать. Павел был немного не от мира сего и зачастую путал дни недели и время суток, увлекшись очередной зубодробительной компьютерной задачкой. Иван же имел склонность все систематизировать и раскладывать по полочкам. Подметив эту разницу в поведении, Иннокентий Абрамович и нарек братьев соответствующими прозвищами, но «в народ» их не пустил из природной скромности.

– Привет, ребятки! – поздоровался он.

– Здравсьте, профессор, – хором откликнулись братья. – Ну что, запускаем сегодня вашу «адскую машинку»?

– Непременно! И так уже две недели ковыряемся. Сделайте старику новогодний подарок, уважьте.

«Адской машиной» в центре окрестили биотронный генератор, который по замыслу должен был выдавать усиленное в тысячи раз излучение стволовых клеток костного мозга. Зухель не без основания полагал, что именно этот спектр электромагнитных частот должен активировать гены, отвечающие за биотрансформацию клетки. Совершив теоретическое открытие, требовалось воспроизвести его «в материале», а с ним как раз и выходила загвоздка. Спектр требуемого излучения был настолько сложен, что братьям Зарубиным никак не удавалось алгоритмизировать его, чтобы создать управляющий контур для генератора. Но вот вчера, кажется, они добились ощутимого результата. И сегодня спешили в лабораторию в приподнятом настроении.

– Хотите анекдот, профессор?

– Политкорректный?

– А то! – с ним говорил явно Иван, он был склонен рассказывать анекдоты, а также

различные байки из жизни программистов. – В общем, встречаются два хохла-программиста. «Мыкола, ты шо свою домашню сторинку на домени „ru“ засував? – А шо? – Так то ж „Раша“! – Оть, москали, гады! А я думав „Ридна Украина“!»

Зухель вежливо рассмеялся:

– Вы, Иван, неисправимы.

– А почему вы решили, что я Иван? – прищурился парень.

– Потому что Павел не склонен к фривольному юмору.

– В точку, Иннокентий Абрамович, – улыбнулся тот. – Я этому чучелу языкастому давно толкую: нарвешься когда-нибудь со своими шуточками. У нас здесь, между прочим, работают люди аж двенадцати национальностей!

– Ну и что? – отмахнулся Иван. – Я здесь дома, а они...

– И они тоже, молодой человек, – перешел на лекторский тон Зухель. – Если человек родился в России, говорит и думает на русском языке, считает культуру России своей родной, значит, он русский! Я, например, горжусь тем, что я русский. Эта страна – моя родина!

– Да ладно вам, профессор, – ступешался Иван, – я же так, пошутил... Хотите, я вам другой анекдот расскажу?

– Нет уж, теперь моя очередь. – Зухель хитро посмотрел на обоих братьев: – «Изя, ты знаешь, кто был по национальности Мао Цзедун? – Да ну?! Не может быть! – Я тебе говорю! – Никогда бы не подумал!..»

Теперь расхохотались все трое, и так, весело болтая, дошли до научного корпуса. Когда за ними закрылась зеркальная дверь, человек, сидевший с удочкой над лункой на льду близкой Клязьмы, опустил компактный биноклар и сделал пометку в наручном электронном органайзере. А потом спокойно занялся рыбной ловлей, изредка поглядывая на территорию бывшего санатория.

* * *

Просторный кабинет был весь залит солнечным светом через большое панорамное окно. За выгнутым офисным столом в удобном, эргономичном кресле, обтянутом натуральной кожей, сидел еще не старый человек с породистым холеным лицом. Тонкие нервныe пальцы его стремительно летали по клавиатуре раскрытого ноутбука, а на экране то и дело всплывали окошки с короткими текстами – шла закрытая он-лайн конференция. О степени ее секретности свидетельствовала и мигающая в правом верхнем углу иконка: черный череп в белом круге, перечеркнутый красной полосой.

Каждый из участников совещания выступал под определенным псевдонимом – никаких видеоконтактов и даже аватаров не предусматривалось. Хозяин кабинета в беседе обозначал себя как «Брахма».

«ВЫСОКИЙ. Каковы перспективы дальнейшей разработки проекта „Нужные дети“?»

БРАХМА. Проект вышел на следующий уровень, благодаря усилиям группы „НС“. Информация, предоставленная бывшим сотрудником профессора З., задала принципиально новое направление исследованиям.

ВЫСОКИЙ. Когда можно ожидать практических результатов от проекта?

БРАХМА. Для завершения первой серии опытов группе „НС“ требуется еще как минимум 15–20 единиц материала.

ОХОТНИК. Пятнадцать единиц уже подготовлены к отправке нашей восточной поисковой монадой. Они прибудут на базу в течение сорока восьми часов.

ВЫСОКИЙ. Отлично! Надеюсь, в новом году мы получим действующий прототип генератора?

БРАХМА. Если мы получим обещанный материал, он будет готов через два месяца.

ОХОТНИК. Сорок восемь часов!

ВЫСОКИЙ. Смету всех расходов немедленно присылайте на известный вам адрес. Задержек с финансированием и материальным обеспечением не будет. Действуйте!

БРАХМА. Для ускорения исследований мы решили предложить профессору З. присоединиться к группе „НС“.

ВЫСОКИЙ. Он согласен?

ОХОТНИК. Да, но он еще об этом не знает.

ВЫСОКИЙ. Надеюсь, ваше предложение не будет иметь непредсказуемых последствий.

БРАХМА. Встреча тщательно подготовлена. Сюрпризы исключены.

ВЫСОКИЙ. Конец связи...»

Окно конференции свернулось, и человек расслабленно откинулся на спинку кресла. Легкая полуулыбка скользнула по тонким губам, правая рука поднесла к ним длинную черную сигарету, левая – зажигалку в форме цветка лотоса. Из середины его на миг взвилось синеватое пламя и подожгло кончик сигареты.

Некоторое время человек курил, прикрыв глаза и слегка покачиваясь вместе с креслом. Затем не глядя ткнул пальцем клавишу селектора.

– Зоя, пригласите ко мне господина Раскова, руководителя группы «Новое сознание». Немедленно.

– Слушаюсь, господин Энгельс, – проворковала невидимая секретарша.

Черная сигарета догорела до фильтра, в тот же миг дверь кабинета распахнулась, и на пороге возник плотный, широкоплечий молодой человек, больше похожий на профессионального борца, чем ученого. О принадлежности к научному сообществу говорил, пожалуй, один лабораторный халат, да еще бейджик на его левом лацкане с надписью «Доктор В.М. Расков, лаборатория электроэнцефалографии».

Секунду Расков стоял в дверях, оглядывая кабинет, затем втянул носом воздух и стремительно прошел к столу.

– Курите «чаруту», шеф? – несколько фамильярно поинтересовался он, садясь в кресло для посетителей и принимая вальяжную позу. – Может, и я малость подымлю?

– Валяйте, доктор, – кивнул хозяин кабинета и невольно поморщился, увидев у того в руках помятую пачку «Кэмела». – Какую дрянь вы курите?

– На «чаруту» я еще не заработал! – хохотнул Расков и зажег сигарету от спички.

– Я вас вызвал, чтобы сообщить две новости, – в тон ему заговорил шеф. – Хорошую и плохую. С какой начать?

– С хорошей, разумеется.

– Мы нашли вашего бывшего руководителя, профессора Зухеля. И он почти согласился к нам присоединиться.

Улыбка сползла с упитанной физиономии Раскова, он невольно подобрался в кресле.

– В самом деле?.. Я бы предпочел с ним не встречаться, господин Энгельс.

– Вот тебе раз! – развеселился хозяин кабинета. – А я думал, вы обрадуетесь. Ведь профессор так вас ценил, уважал, доверял... Ладно, что-нибудь придумаем. Просто он нам

нужен позарез. Сроки поджимают, а вы со своим «Новым сознанием» уже полгода топчетесь на одном месте! Вот мне и приходится усиливать команду.

– А... какая плохая новость? – совсем сник Расков.

– Из той же оперы, – перешел на жесткий тон шеф. – С нового года отменяются все выходные. Забудьте про ваши баньки, рестораны, прогулки по девочкам! Вся «Группа перспективных исследований» переводится на казарменное положение. Работаем в режиме форс-мажора! Ясно?

– Понятно, – Расков загасил сигарету. – Где вы его хоть нашли? Он же вроде в бега ударился.

– У наших конкурентов, естественно, – хищно улыбнулся хозяин кабинета. – Вы что-нибудь слышали о научном центре «Юность мира», Виктор Михайлович?

– Н-нет...

– Вот и я – нет. До недавнего времени. Скромные ребята, надо сказать, но шустрые! Успели найти вашего учителя раньше нас. Профессор Зухель теперь трудится в «Юности». А это несправедливо, согласитесь?

Расков молча кивнул, уставившись на вазу с алыми гвоздиками, стоящую на журнальном столике в дальнем углу кабинета.

– Ну, вот мы и решили это исправить. Завтра утром, думаю, вы с ним повидаетесь, – бодро закончил шеф.

– Лучше не надо, – вздохнул Расков и поднялся. – Я могу идти, господин Энгельс?

– Конечно, конечно, – махнул рукой тот, отворачиваясь к ноутбуку. – Работайте, Виктор Михайлович!

* * *

В два часа пополудни Белогора по спутниковому каналу связи вызвал Рысь.

– Привет, волхв! Ты где сейчас?

– Еду по МКАДу в вашу сторону. Буду через час, есть затруднения на дороге.

– Поторопись, Стас, тут что-то назревает.

– Откуда информация?

– Внешний периметр уже дважды был нарушен. Первый раз это оказалась белка. Уселась, зараза, прямо на теплодатчик! – Рысь коротко хохотнул. – А вторым нарушителем стала собака...

– Ну и в чем криминал? – не понял Белогор, выруливая на обочину и пристраиваясь в хвост нахальному «лендроверу».

– Да уж больно странная псина. Умудрилась побывать чуть ли не у всех постов и зданий. Такое впечатление, будто специально все высматривала!

– Миша, у тебя слишком богатое воображение. Просто любопытная собака...

– Нет, Стас, не просто. Дятел сказал, что у нее очень необычный ошейник был. Толстый, широкий и с какими-то нахлобучками, сильно смахивавшими на микрокамеры!

– Так вы что, ее не поймали? – изумился Белогор.

– Не смогли, волхв. Больно шустрая псина оказалась. А стрелять средь бела дня не решились, – голос Рыси заметно погрузнел.

– М-да, не нравится мне все это! – рассердился Белогор. – Давайте-ка, не

расслабляйтесь там. Сделай ребятам правильное внушение, не случилось бы чего...

– Лады, волхв! До встречи.

Белогор переключил спутниковый смартфон на режим автопоиска и в течение минуты поймал волну «гаишников». Секреты их волхву были ни к чему, а вот реальное положение на дорогах узнать всегда полезно.

«Лендровер» впереди резко прибавил скорость, Белогор тоже вдавил акселератор, не дав стряхнуть себя с хвоста. Езда по обочине помимо незаконности таила в себе еще и довольно большой риск, особенно зимой. Однако пока впереди шел такой «танк», можно было не опасаться неприятностей, важно не расслабляться.

Но не прошло и пяти минут, как вызов по спутниковому каналу повторился.

– Волхв, накаркал я! – Рысь шумно дышал в трубку, словно запыхался от быстрого бега.

– Выкладывай покороче, – сдержанно приказал Белогор, не отрывая глаз от кормы «лендровера».

– Барсук только что снял ворону! Прямо влет!..

– Зачем?

– Говорит, разведку производила. Воздушную!

Белогор едва не выпустил руль.

– Ты в своем уме, Миша? Какая еще воздушная разведка?!

– Слушай, Стас, я понимаю, что звучит глупо, но у этой вороны... – голос Рыси отдалился, – ...какая-то хрень на брюхе подвешена... Не можем понять – что... Барсук из дробовика бил, так половина заряда в эту штуку угодила.

– Так, – Белогор резко выдохнул. – Это уже серьезно, Миша. Ничего без меня не трогайте! Ты понял? Ни-че-го! Постараюсь приехать как можно быстрее. Отбой!

* * *

Возле поворота на поселок Юность, по имени которого назывался и бывший санаторий, на обочине стоял микроавтобус со знаками Службы метеонаблюдения. К нему не торопясь подошел молодой человек в бело-синей лыжной куртке, глянул на бледный диск солнца, уже цепляющийся за верхушки сосен, и коротко стукнул в боковую дверь машины. Она бесшумно откатилась, и человек исчез внутри салона.

Микроавтобус действительно был буквально напигован некой сложной аппаратурой, возможно, и пригодной для метеонаблюдений, но люди, работавшие сейчас на ней, погодой явно не интересовались. На двух больших мониторах они смотрели весьма необычный фильм, точнее, прямой репортаж, снимаемый с высоты от пятидесяти до ста метров. На одном мониторе был виден лесной массив с вкраплениями разноцветных построек и рассекающая его серая лента шоссе. На втором под камерой расстилалась широкая белая долина с редкими купаами голых черных кустов и таких же деревьев. На третьем мониторе царил густая серая рябь.

Парень расстегнул свою бело-синюю куртку и подсел к такому же спортивного вида товарищу за молчащим монитором.

– Что-то случилось, Юрик?

– Да вот, вырубилась моя Каркуша, – сокрушенно покрутил головой тот. – Не пойму, в чем дело.

– И давно?

– Минут десять как...

– А где она у тебя патрулировала?

– Над санаторием. В том-то и дело! – Юрик принялся стучать по клавишам терминала, поглядывая на мерцающий экран. – Ни черта не выходит!..

– Ладно, не расстраивайся ты так, – хлопнул его по плечу приятель. – На вот, держи, – он протянул ему банку пива и достал из кармана вторую – для себя. – Запустим еще одну птичку. А Каркушу твою, наверное, подстрелили.

– С чего ты взял?

– Да вышел я из магазина, что как раз напротив ворот санатория, и слышу хлопок такой, раскатистый. Будто дуплетом кто-то шмальнул из ружья. Аккурат со стороны санатория.

– Блин! И ты молчал?! – Юрик отставил вскрытую банку и схватился за мобильник.

– А чего такого-то? – не понял приятель, отхлебывая пиво. – Птицу пожалел?

– Дубина! Каркуша не просто птица – разведчик!.. – Юрик прижал трубку к уху. – Але, это я, Владимир Генрихович. Похоже, нас раскрыли!.. Каркуша пропала. И видеосигнал тоже. Спицын говорит, что слышал ружейный выстрел примерно в то же время на территории объекта... Есть «сворачивайтесь»!.. – Он повернулся к своим напарникам. – Отзывайте птичек. Мы сваливаем.

Спустя несколько минут на крышу микроавтобуса спланировали две крупные вороны. Они что-то каркнули друг другу, словно делясь впечатлениями, затем из автобуса вышел человек в лыжной куртке с большой сетчатой клеткой. Он раскрыл дверцу клетки, и обе птицы, как по команде, нырнули внутрь.

Человек забрался обратно в салон, автобус лихо развернулся и покатил в сторону Москвы.

* * *

Как ни старался Белогор, но когда подъехал к воротам с надписью «Санаторий „Юность“. Собственность Министерства обороны РФ», солнце уже скрылось за зубчатой стеной ельника, что подковой охватывал территорию центра с востока и юга. Волхв посмотрел на часы – четверть шестого. Чтобы преодолеть каких-то тридцать километров от МКАДа ему понадобилось почти полтора часа! Уму непостижимо!

Ворота раскрылись автоматически, пропуская замурзанную темно-зеленую «хундайку». Из будки охраны вышел парень в пятнистом зимнем комбезе с дубинкой на поясе и «бляхой» рации на левом плече.

– Добрый вечер, Станислав Георгиевич.

– Привет, Сокол! – улыбнулся Белогор, опустив стекло. – Все тихо?

– Сейчас – да.

– А раньше?

– Да крутился тут днем... Спортсмен, блин! – Охранник презрительно сплюнул. – Вырядился в понтовый «лыжник», а сам за пивом в магазинчик наш раз пять зарулил!

– Куда делся?

– Он откуда-то из-за поворота приходил. Но последнюю пару часов не появлялся.

– Лады, – Белогор включил передачу, тронул машину. – Будьте начеку, ребята. Чую: что-

то назревает!

У подъезда главного корпуса волхва встретил сотник.

– Идем быстрее, Стас! Там наши умники как раз птичку сбитую потрошат. Шибко занимательная тварюга попалась!

Они поднялись на второй этаж, в отдел клеточной трансформации – царство Иннокентия Абрамовича Зухеля. В большой, ярко освещенной комнате, на квадратном лабораторном столе, прямо на гранитной столешнице лежал вскрытый труп большой вороны, а рядом, на белой салфетке, грудились неопрятной кучкой детали какого-то электронного устройства, сильно деформированные.

Белогор коротко кивнул всем присутствующим и подошел к склонившемуся над птицей профессору.

– Что скажете, Иннокентий Абрамович?

– Скажу, что это самая обычная ворона, – рассеянно ответил тот, – если не считать вот этого. – Он осторожно приподнял пинцетом перья на затылке вороны, и волхв увидел тускло блеснувшую металлическую на вид «пуговицу», прилепившуюся к коже птицы.

– Что это? – насторожился Белогор.

– Думаю, электронный чип, – вступил в разговор стоявший рядом сутулый худой парень. Самой заметной частью на его лице был нос – узкий, с загнутым вниз кончиком, как клюв хищной птицы.

– Для чего он, по-твоему, предназначался, Пустельга? – прищурился волхв.

– Для управления этой вороной, – пожал тот плечами как о само собой разумеющемся.

– Надо же! – присвистнул Белогор. – Такое возможно, профессор?

– В принципе – да. Технологии, подобные этой, разрабатывались силовыми ведомствами сразу нескольких стран еще с восьмидесятых годов прошлого века. А если учесть это, – Зухель ткнул пинцетом в грудку обломков на салфетке, – то тем более складывается картина в целом безрадостная.

– Это остатки телеблока, – пояснил Пустельга. – Наша птичка исполняла роль воздушного шпиона. И если судить по мощности батарей, приемник должен был находиться где-то в радиусе от одного до двух километров.

– Миша, – повернулся к сотнику Белогор, – передай по постам, чтобы провели осмотр своих секторов на предмет подозрительных машин, типа микроавтобусов, минивэнов, фургонов. А в ночную смену поставь самых опытных и толковых.

– Думаешь, возможно нападение? – нахмурился Рысь.

– Если дело дошло до глубокой разведки, значит, готовится силовая операция. Это азбука войны, Миша.

– Ну, мы же не на войне...

– Теперь уже – да.

– Но почему только теперь?

– А вот над этим стоит подумать основательно, – кивнул Белогор. – Заряди ребят и приходи ко мне, помозгуем.

* * *

Четверка джипов «Шевроле-Тахо», выкрашенных в матово-черный цвет, двигалась с

погашенными огнями по огибающей поселок Юность проселочной дороге. Отсутствие света не смущало водителей, ибо машины были оснащены новейшей компьютерной системой «Филин», разработанной специально для езды в подобных условиях. Перед каждым водилой на лобовое стекло проецировалось оцифрованное 3D-изображение дороги и прилегающих к ней секторов. Человеческий глаз воспринимал картинку, будто все происходило просто в пасмурный день.

Идущая последней машина остановилась у неширокой прогалины, пересекавшей дорогу и уходящей в сторону санатория. Остальные джипы поехали дальше. Следующий отстал возле спуска к замерзшим прудам на территории «Юности». Еще один замер буквально в ста метрах от ее хозяйственных ворот. Головной «Тахо», не таясь, направился по объездной дороге вдоль ограды санатория, выбрался по ней к шоссе и приткнулся за кустами обочины.

Двигатели всех машин остались работать на холостом ходу, но их практически не было слышно из-за мерного шума ельника, подступавшего к дороге. Из джипов так никто и не вышел, а за тонированными стеклами не было видно никакого движения.

* * *

В кабинете начальника охраны центра «Юность мира», располагавшегося в правом крыле основного корпуса на втором этаже, горела только настольная лампа. Шторы на большом окне плотно задвинуты, так что наружу не пробивался даже лучик света.

За столом, друг против друга, сидели два крепких мужчины, почти одногодки. Они пили чай из резных деревянных чашек и рассматривали расстеленный между ними план территории бывшего санатория.

– Вот видишь, – говорил Белогор, водя по плану карандашом, – здесь и здесь самые плохие секторы обзора, а тут – к ограде вплотную стоят липы, и ветви их торчат аккуратно над ней. Как думаешь, Миша, смог бы ты с той стороны забраться на такую ветвь и перебраться по ней внутрь периметра?

– С минимальным снаряжением – запросто, – кивнул сотник и тут же добавил: – Но у нас элементарно не хватит людей, чтобы перекрыть все подозрительные векторы.

– А все и не надо. Нам с тобой важно понять, что гостей интересует в первую очередь. Твои соображения?

– Судя по приготовлениям, к нам должны пожаловать серьезные ребята. Значит, и цели у них серьезные. Захват центра, конечно, исключен – слишком хлопотно и затратно...

– Согласен. Есть более экономичные способы перекрыть центру кислород. А как насчет кого-то из спецов?

– Думаешь, это охотники? – нахмурился Рысь.

– Думаю, это логично. Объект секретный, люди здесь, по сути, находятся тайно. Выкрасть их в пользу другой конторы – наиболее очевидная и, главное, реализуемая цель. – Белогор обвел карандашом домики сотрудников.

– Я понял, к чему ты клонишь. Профессор Зухель?..

– Как наиболее вероятная цель. За ним охотились весьма рьяно, он надул своих преследователей, за что их, конечно, начальство по головке не погладило. И он единственный, кто живет в коттедже, не имея семьи.

Сотник кивнул и включил рацию:

– Сокол, выдвинься со своей «ладонью» к коттеджам. Только без шума.

– Понял, Рысь...

– Думаю, наши гости предусмотрели и какие-то отвлекающие действия, – сказал Белогор. Он поднялся из-за стола, подошел к шкафу в углу и вынул оттуда зимний комбез и берцы. Быстро переодевшись, волхв протянул сотнику короткую дубинку с металлическими «рогами» на конце. – Это разрядник. Если удастся, захватим «языка». – И сунул такую же себе за пояс.

В этот момент ожила рация. Сотник встрепенулся:

– Слушаю!

– Началось, Рысь! – раздался чей-то хрипловатый голос. – Нарушение периметра в северо-восточном углу парка...

Тут же замигал второй, а за ним и третий канал на панели рации. С постов возле прудов и у хозяйственных ворот тоже сообщили о проникновении незваных гостей.

– Ну, с богом, Миша! – сказал Белогор.

Они вдвоем выскочили в коридор, оттуда – на открытую галерею, и спрыгнули со второго этажа в сугроб на клумбе. Выбравшись, волхв стремительным, скольльзящим шагом, больше похожим на полет, направился в сторону коттеджей. Сотник едва поспевал за ним.

– Стас, надо бы помочь ребятам у ворот, – выдохнул он на бегу.

– Справятся! – отмахнулся тот. – Главное, не дать этим шустрикам прорваться к коттеджам.

Основная атака началась, когда они только достигли боковой аллеи, ведущей к домикам. Белогор заметил две быстрые серые тени, мелькнувшие возле палисадника крайнего коттеджа, и изменил направление движения, рукой показав Рыси, чтобы тот шел наперерез нападавшим.

Волхв почти настиг «серого», но обострившимся при входе в боевой транс чутьем определил надвигающуюся угрозу справа, из-за угла ближайшего домика. Мгновенно изменив траекторию, Белогор ушел с линии атаки и, завершая маневр, точным ударом в голову свалил противника. Добавил для верности каблуком берца между лопаток и ринулся на подмогу сотнику, который оказался один против двух дюжих боевиков.

Рысь успешно отразил первый натиск врагов, но тут один из них взмахнул рукой, и сотник рухнул навзничь в снег, и возле его головы появилось темное, растущее пятно.

Все это Белогор видел как в замедленном кино. А еще он понял, что не успевает. Неизвестные бойцы, видимо, не имели желаний или задания на ведение серьезного боя, потому что оба моментально развернулись и бросились вдоль линии коттеджей к дальнему углу ограды.

Белогор не стал преследовать их, а склонился над телом Рыси. Слева на лбу его обнаружилась длинная рваная рана, а сам сотник был без сознания. Волхв тронул сенсор рации:

– Внимание! Группа эвакуации. Срочно – к коттеджам! Есть раненый.

Он обернулся назад, ища глазами тело сбитого им боевика, но никого не увидел. «И этот сбежал!» – в сердцах подумал Белогор. «А что с профессором?» – тут же пришла другая мысль, и волхв бегом кинулся к коттеджу Зухеля. Возле крыльца он с облегчением увидел сидевшего на корточках Сокола. Парень с интересом что-то разглядывал.

– Все в порядке? – поинтересовался Белогор, присаживаясь рядом.

– Ага, – Сокол протянул ему свою находку. – Вот, у одного бугая на память оторвал.

В руке Белогора оказался самый обычный шеврон, какие нынче нашивают на рукава все, кому не лень.

– И что в нем особенного?

– А вы на эмблему посмотрите...

Белогор поднес шеврон к лицу и включил микрофонарик, вмонтированный в усик рации. На серо-зеленом фоне светлела странная композиция – стилизованная спираль ДНК, переплетенная с такой же стилизованной моделью атома. Под композицией расположились три строгие печатные буквы – ГПИ.

– Ну вот, наконец, и визитная карточка наших гостей, – с удовлетворением констатировал волхв. – Спасибо, Сокол! Собери-ка своих ребят, да проверьте, все ли гости ушли. А потом приходите в лазарет – вашего сотника подранили. – И он, не оглядываясь, быстро пошел к главному корпусу центра.

Меня разбудил Грэг. Сначала эта здоровенная рыжая скотина топталась по моей спине, а когда я перевернулся, кот тотчас вспрыгнул мне на грудь, уселся как на завалинке и принялся лапой играть с моим носом, зажимая по очереди то правую, то левую ноздрю. Последнего я выдержать уже не мог, чихнул и открыл глаза. Грэг немедленно вскочил, потянулся и затарахтел, что твой трактор.

– Сволочь ты, – сказал я ему добродушно. – У хозяина, может быть, выходной день и одна радость в жизни осталась – поспать. А ты не можешь лишний часок потерпеть?

Кот сделал вид, что не понял тирады, и, коротко муркнув, лизнул меня в нос.

– Далек пойдешь. – Я выпростал руки из-под одеяла и ухватил Грэга за пышные бакенбарды. – И куда в тебя столько еды влезает? Ты на свою рожу давно смотрел? Она же скоро в зеркале не поместится!

Кот согласно мявкнул, мол, конечно, но жрать-то все равно хочется, и сделал скорбные глаза. Я не выдержал и расхохотался. А еще говорят, что животные не обладают мимикой! Приходите, Грэг вам такое шоу устроит!..

Я ссадил кота на пол, откинул одеяло и кувырнулся через голову, соскакивая прямо на татами, занимавший почти треть комнаты. Грэг тут же запрыгнул на компьютерный стол – любимое место для наблюдений за моими занятиями.

Следующие пятнадцать минут я потратил на базовый разминочный комплекс русбоя, заключавшийся в упражнениях для разогрева мышц и связок и упорядочения кровотока. Почувствовав приятное покалывание в кончиках пальцев рук и ног, я отправился в душ.

Когда же появился на кухне, Грэг уже сидел возле своей миски, демонстрируя смирение и послушание. Я водрузил на плиту чайник и кастрюлю с остатками борща, посмотрел на часы и подсел к телефону. Подумал, что в девять часов вполне можно сделать звонок человеку, который, по слухам, вообще никогда не спит.

И действительно, на пятом гудке в трубке раздался бодрый суховатый голос:

– Золотарев слушает.

– Здравствуйте, Андрей Венедиктович! Это Дмитрий Котов, – на всякий случай извиняющимся тоном произнес я. – Надеюсь, я вам не помешал?

– А, Дмитрий Алексеевич! – тон Золотарева потеплел. – Что, снова без магии не обойтись?

– Угадали, Андрей Венедиктович. Очень нужна консультация.

– По поводу пропажи детей?

Я едва не выронил трубку.

– Откуда вы знаете?! В прессе же ничего еще...

– У меня свои каналы информации, Дмитрий. Надеюсь, вы не забыли?

– Можно к вам приехать? – с трудом выдавил я.

– Нужно, – коротко бросил маг и повесил трубку.

– Спасибо, – сказал я телефону и принялся готовить себе завтрак.

Но к Золотареву я попал только во второй половине дня. Едва прожевал последний кусок яичницы, ожил мой мобильник. Звонил Ракитин.

– Привет, бумагомарака! Спишь?

– От ассенизатора слышу! – привычно парировал я.

– Почему «ассенизатор»?.. А, понял. Ну что ж, вполне благородная профессия. Выгребаем дерьмо, чтобы другим жилось чище.

– Случилось что?

– Ага. – В голосе Ракитина прорезались горделивые нотки. – Мы их нашли, Димыч!

– Кого?!

– Похитителей!

– Не может быть. Этот ребус так просто не решить. Я уже договорился о консультации у Золотарева...

– Брось! Зачем тут Золотарев? Это наш оперативный план «Сеть» сработал.

– И где же вы их обнаружили? Небось на соседней улице? – съехидничал я, потому что подсознание мое вопило, как Станиславский: «Не верю!»

– Ну, почти, – самодовольно продолжал этот бравый опер. – В Дачном поселке. Хочешь поучаствовать в нашем шоу?

– Да уж не откажусь!

Я решил воспользоваться случаем и немного сбить Олегу пыль с ушей. С детства за ним водился такой грешок – излишняя самоуверенность, часто не подкрепленная достоверными фактами. Подобную «операцию» я проделывал многократно за все долгие тридцать лет нашей крепкой дружбы. И ни разу Олег на меня не обиделся, потому что обладал и несомненным достоинством – умением признавать свои ошибки.

Сейчас же «профилактическая чистка ушей» была просто необходима для успеха всего дела. Золотарев сказал «нужно», а маг, как я имел возможность убедиться ранее, никогда словами не бросался. Один его интерес к похищению ребятишек уже говорил о многом, в том числе и о сложности ситуации.

В общем, четверть часа спустя мы с Ракитиным и двумя оперативниками из его группы бодро катили на капитанской «ауди» к Старому мосту через Томь. На «хвосте» у нас висел «форд» «Мэверик» дежурной группы захвата.

– «Сеть» сработала четко, – говорил Олег, барски развалившись на заднем сиденье за спиной водителя, молодого сержанта-стажера. – Вчера закинули, сегодня уже рыбка бьется.

– Ты по-прежнему уверен, что это именно они? – Я закурил и приспустил стекло задней дверцы рядом с собой.

– Утром позвонил участковый Дачного поселка и сообщил, что заметил в частном секторе на левом берегу Нестоянки незнакомую машину. Минивэн.

– Ну и что? Кто-то из владельцев прикупил себе новую игрушку...

– Владелец дома, возле которого замечена машина, по оперативным данным, неделю как отбыл на курорт встречать Новый год.

– Это может оказаться «тачка» кого-то из его знакомых. Сам уехал, а их пустил на праздники погулеванить.

– Может быть, – признал Ракитин. – Только участковый за последние несколько лет не

припоминает подобного гостеприимства этого нувориша.

– Мало ли, – не сдавался я, – люди меняются. Даже богатые.

– Ну, вот мы это сейчас и проверим...

Через полчаса наш маленький отряд остановился у глухих массивных ворот обширной усадьбы. Короткая улочка, одним концом упиравшаяся в стену заснеженного соснового бора, была пуста. Из-за высокого, почти двухметрового забора видна была только красная черепичная крыша особняка. Никакой машины рядом не наблюдалось.

– Может, твой участковый перепутал? – предположил я, подходя к воротам и заглядывая в щель между створками. – Хотя нет, пожалуй. Здесь он.

– Где? – Олег тоже заглянул в щель. – Ага! Минивэн. Номера местные...

– Тогда звони, – показал я на калитку, снабженную кодовым замком с переговорным устройством.

Ракитин нажал кнопку звонка. Раз, другой – никакой реакции.

– Может, спят? – ухмыльнулся я. – Устали с детишками возиться и дрыхнут.

– Поговори мне! – огрызнулся Олег и махнул рукой одному из своих оперов.

Парень подошел к калитке, внимательно осмотрел устройство замка, достал из кармана куртки коробочку с кучей кнопок и небольшим экраном. Потом поднес свой аппаратик к замку, поводит туда-сюда, поглядывая на экранчик, и уверенно нажал комбинацию из четырех цифр на табло.

Замок щелкнул, и калитка распахнулась. Ракитин заглянул во двор и сделал знак бойцам группы захвата. Те, профессионально прикрывая по очереди друг друга, вошли на территорию усадьбы и мгновенно рассредоточились в обе стороны от дома, используя кусты и лавочки возле них как естественные укрытия.

– По-моему, это незаконно, Олежек, – не удержался я.

– У меня есть оперативная информация, что на территории этого частного владения скрываются опасные преступники, – необычно жестко произнес он, доставая пистолет, и шагнул следом за бойцами в калитку.

Не знаю, что меня насторожило, может быть, движение занавески в окне безмолвного дома, а может быть, тусклый блик, отразившийся от ствола ружья, возникшего в другом окне на втором этаже. Только я инстинктивно кинулся на спину Ракитину, свалив его на подъездную дорожку под прикрытие стоявшего там минивэна. Тут же оглушительный дуллет разорвал тишину зимнего дня, и свинцовая плеть стегнула по крыше машины и косяку калитки.

В следующий миг коротко «протяжка» автоматы бойцов группы захвата, и ружье в окне исчезло вместе с осколками триплекса.

– Ни хрена себе! – выдохнул Ракитин, отплеываясь от снега. – Спасибо, Димыч.

– Защищать родную милицию – наша святая обязанность, – брякнул я и тут же пожалел о сказанном.

Олег как-то странно посмотрел на меня и молча поднялся, прячась за минивэном. Я встал рядом.

– Извини, – тихо сказал я. – У меня предложение.

– Какое? – спросил Ракитин, не оборачиваясь и пристально разглядывая окна особняка.

– Вы их тут отвлекете, а я войду в дом с черного хода.

– Я не могу тебя туда пустить, Димыч. Это операция захвата.

– Ты забываешь, что я – мастер.

– Все равно – не могу...

– Ладно, до встречи! – Я хлопнул его по плечу и метнулся влево, вдоль садовой дорожки, укрываясь за плотной стеной кустов ежевики. Олег что-то рыкнул вслед, но я не расслышал, входя в боевой транс.

На мое счастье, эта живая изгородь тянулась по периметру участка, заходя за дом. Боковая стена особняка неожиданно оказалась почти глухой, если не считать пары крохотных окошек, видимо, выходящих на лестницу, ведущую на второй этаж. Верхнее окно было чуть приоткрыто – для вентиляции, а искусственно выщербленная по последней моде кирпичная кладка идеально подходила для того, чтобы подняться по ней до этого окна. Что я и сделал.

Оказавшись на полутемной лестнице, я замер и прислушался. Со стороны фасада доносились трескучие рулады – группа захвата добросовестно выполняла приказ: отвлекала внимание возможного противника. Им, однако, никто не отвечал.

Помня о стрелке на втором этаже, я метнулся вверх по лестнице, почти не касаясь ступенек. Лестница вывела меня в просторный холл. Посередине его двумя полукружьями стояли друг напротив друга низкие диваны, укрытые белыми искусственными овечьими шкурами. А на полу в паре шагов от широкого, почти во всю стену, окна лежал навзничь типичный «бык» – бритый, в черной кожаной куртке и трениках «а-ля Адидас». Рядом валялось ружье-вертикалка.

Я осторожно приблизился к парню. Под левым плечом его расплывалась темно-красная лужа, глаза «быка» закатились. «Болевой шок от сквозного ранения», – автоматически отметил я и прижал пальцем сонную артерию на могучей шее парня. Пульс присутствовал, редкий и слабый. Я поднял ружье – современный «Sauer Favorit» шестнадцатого калибра.

Взяв его наперевес, я быстро заглянул в обе комнаты по сторонам холла. Это оказались спальни – видимо, гостевые. В каждой – одно окно, у левой стены – огромная, трехспальная кровать, напротив – зеркальный шкаф-купе, рядом низкий прикроватный столик. И все. Ни следа обитателей.

Я двинулся на первый этаж. Стрельба во дворе стихла. Снизу вдоль лестницы ощутимо несло холодом – бравые «ракитинцы», похоже, высадили все стекла. Стараясь двигаться бесшумно, я буквально слетел вниз, а с последнего пролета просто спрыгнул, развернувшись в полете, чтобы видеть пространство под лестницей. И не зря!

Оттуда на меня кинулся еще один «бык» с самой настоящей бейсбольной битой. «Голливуд, блин!» – мелькнула дурацкая мысль. Продолжая движение, начатое в прыжке, я кувырнулся через спину, уходя с линии атаки. Бугай, естественно, промахнулся и, не встретив препятствия, нырнул головой вперед. Мне оставалось лишь добавить ему ускорения. Что я и проделал, просто врезав парню прикладом «Зауэра» между лопаток.

«Бык» с жутким грохотом врезался всей тушей в шкаф, стоявший слева от лестницы. Биту он, конечно, потерял и смачно приложился бритым теменем о дверь шкафа. Сооружение выдержало, а парень – нет.

Я проверил у него пульс, подошел бочком к разбитому окну и крикнул что было мочи:
– Абдулла, таможня дает добро!

Я увидел, как Олег вышел из-за минивэна и направился к дому в сопровождении двух бойцов. И в тот же миг страшная боль пронзила мое правое плечо. Спасли наработанные рефлексy. Нырком вперед с переворотом я ушел от повторной атаки и развернулся к новому противнику лицом. Хотя в глазах помутилось от боли, контроля над ситуацией я не потерял и сумел левой рукой подставить цевье ружья под следующий удар биты. «Надо же, как

быстро очухался гад?» – успел подивиться я, но это оказался третий «бык», таившийся до этого в боковом простенке между камином и массивным комодом.

Правда, в отличие от своих подельников, этот парень был поджарым, лохматым и очень быстрым. Отбив еще один удар, я сообразил, что так долго не продержусь, учитывая, что правая рука совершенно онемела и повисла как плеть. А еще я понял, что этот – и есть главный в компании, а следовательно, самый ценный «язык», и потому его надо брать аккуратно.

Усилим воли я снова вогнал себя в «темп» и качнул «маятник», одновременно метнув ружье в противника и заставляя его уклоняться. На долгих полторы секунды я выпал из поля зрения парня. Этого хватило с избытком, чтобы обойти его сзади и воткнуть «клюв орла» в основание шеи. Так ничего и не поняв, лохматый кулем осел на пол, выпустив биту. Я вышел из «темпа» и сразу ощутил, как дрожат коленки, услышал в голове рев крови, насыщенной адреналином, и счел за лучшее сесть прямо на пол, рядом с бесчувственным противником.

А еще через пару секунд, буквально снеся с петель входную дверь, в дом ввалились бойцы группы захвата и разлетелись по просторной гостиной, перекрывая сектора обстрела. Следом вбежал Ракитин с пистолетом наизготовку, похожий на шерифа из старой доброй Оклахомы. Увидев меня сидящим на полу, он спрятал оружие и поинтересовался:

– Сильно тебе досталось?

– До похорон заживет, – мрачно пошутил я, приподнимая левой рукой правую. – Хорошо, что я левша. Прыткий попался, – кивнул на лохматого «быка», – он, видимо, старшой у них.

Олег заливисто свистнул, и в дом вбежали его ребята, дежурившие снаружи. Они споро упаковали в наручники обоих не очухавшихся «братков» и усадили их рядком на широкий диван перед холодным камином.

Ракитин подал знак бойцам, и те двинулись по дому, проверяя все помещения и закоулки.

– Третьего вы подстрелили, – ткнул я пальцем в потолок. – Если он вам нужен, то вызывай «скорую». У парня сквозное ранение левого плеча плюс болевой шок.

– Тебе, похоже, тоже «скорая» понадобится, – поморщился Олег. – Говорил же: не лезь!

– Ерунда, – я поднялся и пересел в кресло рядом с диваном. – Дай мне десять минут и не мешай.

Ракитин молча пожал плечами и пошел кругами по гостиной, изучая обстановку. Его помощники занялись обыском пленных, а я расслабился, прикрыл глаза и сосредоточился на своих внутренних ощущениях.

Лечебно-диагностический транс – это чуть ли не первое, чему обучают во всех правильных школах единоборств, независимо от их национальной принадлежности. Я вызвал на экран «внутреннего взора» изображение собственного тела, сосредоточился вначале на скелете, «осмотрел» основные кости и суставы, убедился, что бита ничего мне не сломала. Затем перешел к «прокачке» состояния мышц и связок и сразу обнаружил большую гематому в дельтовидной мышце. Удар, имевший цель разбить мне плечевой сустав, пришелся чуть правее и разможил срединные пучки мышцы, лишив руку подвижности. Мысленным усилием я расправил пострадавшие волокна, перекрыл пару лопнувших сосудов, прекратив кровотечение. Следующим шагом я активировал брюшную чакру – манипуру – и направил поток энергии к травмированному месту.

Боль почти сразу утихла, а в плече будто вспыхнул костер. Еще одним волевым усилием

я увеличил приток крови к пострадавшей мышце и одновременно усилил лимфатический дренаж для ускоренного удаления остатков поврежденных мышечных волокон. Теперь можно было возвращаться к действительности.

Я открыл глаза и увидел, что оба «быка» тоже пришли в себя. Олег нависал над ними, поигрывая пистолетом – ну, ни дать ни взять, Клинт Иствуд!

– Что вы делали в этом доме и почему оказали сопротивление милиции? – зловещим голосом поинтересовался бравый «шериф».

– Это дача нашего приятеля, – вызывающе отозвался лохматый парень. – Мы приехали сюда встречать Новый год. А вот по какому праву вы здесь находитесь, гражданин начальник? У вас ордер есть?

– Ах ты, паскудник! – почти ласково сказал Ракитин, наклоняясь к нему и медленно поднося ствол «макарова» к его переносице. – Знаешь, я ведь могу просто тебя шлепнуть, и мне даже ничего объяснять не придется. У вас нет никаких документов, вы незаконно вторглись на чужую частную территорию, оказали вооруженное сопротивление при задержании... и были убиты при попытке к бегству. Какое досадное недоразумение!

Лохматый после его слов заметно побледнел, покосился на насупившегося напарника и примирительно спросил:

– Ну ладно, начальник, чего надо-то?

– Где детишки? – выдохнул ему в лицо Олег.

– Какие детишки?! – очень натурально вытаращился парень.

В этот момент к Ракитину подошел старший группы захвата и продемонстрировал большой пузатый полиэтиленовый пакет. Олег кивнул, забрал пакет и заглянул в него.

– Ого! – Он извлек целлофановый сверток с белым порошком. – Зуб даю, это не сахар и даже не соль.

Лохматый при виде пакета окончательно сник и уставился в разбитое окно.

– Убеди меня, что это не то, что я думаю, – вкрадчиво сказал Ракитин, поворачивая его лицо обратно к себе стволом пистолета.

Парень несколько секунд молчал, потом нехотя процедил:

– Ладно, это «снег»^[2].

– И сколько тут?

– Четыре с половиной.

– Не слабо! По пятьдесят тонн «зелени» за кило – это же стоимость примерно вот такого коттеджа, – взмахнул пакетом Олег. – Ну а детдомовцы-то где?

– Не пойму, о чем ты, начальник... – начал было лохматый, но Ракитин вдруг бросил пакет на пол и схватил парня за горло.

– Удавлю, сволочь!.. Вашу машину опознали. Через пару часов я устрою тебе очную ставку со свидетелем. Думаю, ответ будет тот же! И тогда, ублюдох, пойдешь по полной: групповой киднеппинг плюс наркота в особо крупных размерах – «пятнашка» строго режима вам всем обеспечена!

Я впервые видел Олега таким озверевшим и не мог понять, чем вызвана метаморфоза. Но последующие его слова все расставили по местам.

– А если, не дай бог, с моим другом, которого ты ранил, что-нибудь случится, с зоны точно не выйдешь!

У меня предательски защипало в носу, и я невольно чихнул. Ракитин резко обернулся ко мне:

– Все в порядке, Димыч?

И было в его взгляде столько доброты и сочувствия, что мне захотелось тут же обнять этого «крутого опера» и наконец признаться, как я его люблю. К сожалению, Бог не дал мне ни брата, ни сестры. Потому уже много лет Олег для меня был почти братом. Старшим братом, хотя мы с ним и ровесники. Но вместо этого я прокряхтел:

– Ты не забыл, надеюсь, что я – кот? А у кота, как известно, девять жизней.

Ракитин улыбнулся мне уголками губ и вновь подступил к лохматому бандиту:

– Ну, колись, засранец! Кто вам заказал детишек?.. Я сейчас накачаю тебя коксом^[3] по самые уши, пристегну браслет к каминной решетке и оставлю здесь до завтрашнего утра! Как думаешь, что в этом случае с тобой будет через сутки? – Он решительно достал из пакета упаковку наркотика и крикнул помощнику: – Володька, неси шприц из аптечки, нашему пациенту поплохело!

– Не надо кокса! – торопливо забормотал парень. – Я скажу, где пацанва... Мы их отвезли на хату... – он вдруг осекся и захрипел. Тело его выгнула внезапная судорога, изо рта появилась пена.

Я напрягся, поднялся из кресла и шагнул к пленнику.

– Что это с ним? – растерялся Олег. – Припадок?

– Нет... – медленно произнес я, приподнимая парню веко. – Не думаю. Где «скорая»?

– На подходе. Минут через пять будут.

– Его надо срочно в реанимацию.

– Да что с ним?

– Очень похоже на... активацию программы самоликвидации.

– Чего?!

– Ну, нам на курсах по НЛП рассказывали, что есть методики, секретные, разумеется, с помощью которых можно запрограммировать человека на определенные действия. Этим довольно широко пользуются различные силовые структуры. При этом, как правило, ставят такому исполнителю «сторожа», чтобы не проболтался кому не следует. Как только подобный «зомби» пытается выдать запретную информацию, включается «сторож» – по сути, программа самоликвидации. У человека развивается, допустим, инфаркт, инсульт или приступ астмы, может быть даже эпилептический припадок. Если этому «зомби» не оказать квалифицированную помощь, он умрет.

– Черт! Вот же засада! – Ракитин схватился за телефон. – Алло! Ну, где «скорая»?.. У меня здесь двое раненых!.. Блин! – он повернулся ко мне. – Сказали, должна уже доехать... Володька, а ну-ка прыгай в джип и дуй к трассе: может, они застряли где-то?

– Не успеют, – сказал я, глядя на синеющее лицо лохматого. – Надо хоть остальных двух сохранить...

«Скорая» появилась спустя десять минут, но парень уже перестал подавать признаки жизни. Что касается остальных «быков», то стреляный так и не пришел в сознание, и его увезли вместе с лохматым в реанимацию. Второму же врач поставил диагноз «сотрясение мозга» и тоже порекомендовал не торопиться с допросом.

В общем, вся наша стрельба и прыжки оказались впустую. Возвращались мы в город в весьма дурном настроении. Было уже далеко за полдень, когда Ракитин высадил меня на проспекте Вождя, возле троллейбусной остановки.

– Ты твердо решил идти к магу? – спросил он.

– У тебя есть другое предложение? – пожал я плечами. – К тому же информация никогда

не бывает лишней, вопреки устоявшемуся мнению.

– Ладно, держи меня в курсе.

– Непременно, Олежек.

Я захлопнул дверцу и ракитинская «ауди» резво нырнула в плотный поток автомобилей.

* * *

Золотарев встретил меня, как старого знакомого, крепко пожал руку своей горячей и сильной ладонью, улыбочиво глянул мне в глаза и на миг коснулся пальцами вновь занывшего плеча. Боль тут же исчезла, словно ее и не было.

– Вам бы к травматологу обратиться, Дмитрий Алексеевич, – усмехнулся одними уголками губ маг, делая приглашающий жест.

– Благодарствуем, мы сами себе целители, – полушутливо отмахнулся я, проходя в гостиную, обставленную в восточном стиле: шелковая драпировка стен, напольные светильники на треногах, пушистый ковер на полу и обширный диван с разбросанными пестрыми подушками у дальней стены. Перед диваном примостился низкий столик на витых ножках. Кальян, ваза с фруктами, две пиалы, наполненные темной, исходящей парком жидкостью.

– Присаживайтесь, – Золотарев опустился на подушку возле столика. – У вас глубокие разрывы в мышцах плеча, а парабиотическое целительство не гарантирует от образования келоидных рубцов.

– Откуда у вас такие обширные познания в медицине? – не удержался я, садясь напротив хозяина. – Вы ведь по образованию, кажется, теплотехник?..

– Самообразование – более эффективная система познания, чем учеба в вузе, ибо в этом случае изучаешь именно то, что тебя интересует.

– Пожалуй... Собственно, Андрей Венедиктович, я и собирался с вами проконсультроваться почти на эту же тему.

– Вы хотите знать, кто похитил детей-сирот, – маг поднял свою пиалу, пригубил и удовлетворенно кивнул сам себе.

– Ну, это в идеале. – Я последовал его примеру. Напиток оказался сложным настоем из трав и пряностей, терпким и бодрящим. – Лично мне более интересен ответ на вопрос: зачем?

– В похищении участвовал сильный паранорм, владеющий антардханой – сиддхой невидимости и вашитвой – подчинением чужого сознания...

– Откуда здесь мог взяться такой силач?!

– Это уже третий вопрос...

– Ага. Хорошо. – Я сделал еще глоток необыкновенного напитка. – Значит, он обошел охрану, загипнотизировал детей, вывел их из здания...

– Он не гипнотизировал ребят, – мягко перебил маг. – Он *позвал* их с собой! Они пошли за ним добровольно.

– Позвал?.. Черт! Но зачем?!

– К сожалению, этого я пока не знаю. Могу лишь предполагать...

– Поделитесь, Андрей Венедиктович, прошу вас! Это может оказаться очень важным, – искренне произнес я, потому что сам верил в то, что все так и есть.

– Что вы знаете о детском сознании, Дмитрий Алексеевич? – вдруг поинтересовался маг.

– Ну, дети более чувствительны, эмпатичны, наблюдательны, чем взрослые. У некоторых проявляется выраженная способность к эйдетическому мышлению. Таких ребятишек ошибочно называют вундеркиндами или детьми индиго...

– Прекрасно! Могу добавить, что дети, не вступившие в пору полового созревания, также способны к восприятию явлений так называемого тонкополевого мира. Более того, есть все основания предполагать, что маленькие ребятишки потенциально все – экстрасенсы в полном смысле слова.

– Паранормы?! – я закашлялся от неожиданности.

– Да, – кивнул Золотарев и отпил из пиалы. – Мои наблюдения однозначно указывают на такую возможность. У «аномальщиков» также собрано достаточное количество фактов спонтанного проявления сверхспособностей у детей, начиная с двух-трехлетнего возраста.

– Почему же до сих пор никто не работает в этом направлении?

– Ну, во-первых, работают. Еще как! Во всех экономически развитых странах Европы и Америки имеются научные учреждения, в программе исследований которых записаны, в том числе, и паранормальные способности человека...

– Но ведь они занимаются взрослыми!

– Не только. Случаи детской экстрасенсорики также тщательно описываются и изучаются. – Маг сделал сложный пасс рукой и буквально из воздуха на краю столика соткался чайник с длинным носиком. Наполнив пиалы новой порцией горячего напитка, он поставил сосуд обратно на то же место и продолжил: – Вот сейчас я продемонстрировал вам возможности вашитвы – сиддхи управления чужими мыслями. Вам *показалось*, что я сотворил этот чайник, между тем он стоял здесь с самого начала, а вы лишь *думали*, что его тут нет. Согласитесь, гораздо легче внушить мысль, чем заниматься реальной материализацией?

– М-да, наверное... – я невольно покрутил головой, будто избавляясь от наваждения. – А при чем здесь дети?

– А дети могут видеть явления, недоступные органам чувств взрослых, по той же причине. Они видят тонкополевые сущности лишь потому, что *не сомневаются* в их существовании. Взрослые же *знают*, что такие сущности нельзя увидеть, поэтому и не видят их. Тем более не могут никак на них воздействовать.

– А детки могут, потому что верят в это, – кивнул я, прихлебывая напиток. – Все просто!.. Получается, наших сироток похитили потому, что кто-то догадался о такой возможности – управлять тонкополевым миром посредством детей?

– Вполне возможно, – маг взял мундштук кальяна и сделал глубокую затяжку. По комнате поплыл тонкий сладковатый аромат. – И очень многообещающе, кстати!

– Чем же?

– Ну, Дмитрий Алексеевич, это же так просто! Сущности тонкого мира ведь тоже способны влиять на наш мир...

– Ага! Понял: всякие там лярвы, айны и прочие гоблины?

– Именно. – Золотарев снова затянулся. – Весьма заманчивая перспектива, согласитесь. Я подергал себя за ус, как всегда при интенсивной мозговой деятельности.

– Все равно странно выглядит. Мощный паранорм уводит полтора десятка ребятишек... для кого-то? Да он по определению ни на кого работать не станет! Ему наши делишки по

фигу!

– Я – тоже сильный паранорм...

– Извините, Андрей Венедиктович, – я почувствовал, как запылали мои щеки. – Я имел в виду, что весьма сложно, почти невозможно заставить сильного паранорма делать что-то по приказу.

– Конечно. Но его можно убедить, что это хорошо и правильно. – Маг отложил кальян и вернулся к напитку. – Мы ведь, в сущности, те же люди.

– Но способ... приобретения подопытного материала сам по себе выглядит подозрительным! Это же ясно. Получается, наш потенциальный визави имеет явные уголовные наклонности, а следовательно, вдвойне опасен.

– Это не единственное объяснение, Дмитрий Алексеевич, – покачал головой Золотарев. – Постарайтесь поискать и другие.

– Спасибо за беседу, Андрей Венедиктович, – я поднялся, – и если позволите, я еще к вам обращусь?

– Всегда рад буду помочь!

Уже стоя на лестничной площадке в ожидании лифта, я услышал за спиной:

– Даже магом такого высокого уровня может кто-то управлять... если маг об этом не догадывается!

Обернувшись, я увидел наглухо запертую дверь, обитую дорогой кожей. Сплюнув на всякий случай через левое плечо, я вошел в открывшуюся кабину лифта.

* * *

Как всегда после разговора с Золотаревым у меня осталось двойственное чувство, будто мне сначала показали нечто увлекательное через щелку приоткрытой двери, а потом эту дверь захлопнули прямо перед носом. Но таков уж маг Золотарев! Даже если он сам заинтересовался проблемой, никогда не покажет виду и явно помогать тоже не станет. Помнится, в истории с «нехорошим» домом в поселке Бактин, где разбушевалась самая настоящая нечистая сила, Андрей Венедиктович до последнего не предпринимал никаких действий. И лишь когда распоясавшаяся нечисть покусилась на святое – Лунный Глаз – артефакт из личной коллекции мага, Золотарев вмешался.

Вот и сейчас он наговорил мне много интересного, но не дал ни одной конкретной зацепки. А я привык четко выстраивать свои действия в соответствии с имеющейся информацией. Но ее-то как раз мне и не хватало. Потому, пораскинув умишком, я вспомнил еще об одном «многознатце», правда, уже из области науки.

Глянув на часы и прикинув, что доктор Суркис должен еще в такую пору «зависать» на любимой работе, я покопался в мобильнике и обнаружил его номер.

Пришлось дать гудков двадцать, прежде чем на том конце виртуального провода раздался знакомый и вечно ворчливый голос:

– Суркис слушает.

– Здравствуйте, доктор! – произнес я таинственным шепотом. – Скажите, а вы любопытство лечите?

– Какое еще любопытство?! Что за... А-а, это снова тот самый мелкий и пакостный репортеришка, что пишет грязные фельетоны под псевдонимом Кот-обормот?

– Люханс, когда-нибудь ты станешь желтокожим и узкоглазым и звать тебя будут Иль Сур Кис!

– Это почему?

– Потому что желчь окончательно пропитает твоё тело и мозг!

– Ладно, – голос Ильи заметно помягчел, – извини, Димка. Заработался я что-то...

– Оно и чувствуется. – Я перешел на деловой тон. – Мне срочно нужна твоя консультация... или совет.

– Ну, так подгребай в институт. Скоро будешь?

– Минут через двадцать.

– Угу. Тогда я чаек заварю. Таежный.

Суркис дал отбой, а я рысцой припустил к троллейбусной остановке.

Илья Борисович, Илюха, Люханс... Мой старый добрый товарищ еще по медицинскому институту. Учились мы, правда, на разных факультетах, но жили в одной комнате целых четыре года. Не один пуд соли вместе съели, так сказать... Илья закончил медико-биологический факультет с отличием, а его дипломная работа по тонкой биохимии мозга была признана почти готовой диссертацией. С тех далеких времен и по сию пору, теперь уже доктор биологических наук, Суркис трудился в НИИ биологических проблем. Поэтому я не без основания полагал, что, по крайней мере, смогу получить от друга толковый совет или плодотворную идею для решения своего ребуса.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Суггестия – техника психологического внушения без погружения человека в транс с помощью особых речевых конструкций.

Одно из жаргонных названий кокаина.

Еще одно жаргонное прозвище кокаина.